

Бестселлер немецкого AMAZON

ГНЕВ АНГЕЛОВ

МАРА ВУЛЬФ

Мара Вульф

Гнев ангелов

Серия «Ангельская сага», книга 2

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55319193
Гнев ангелов / Мара Вульф: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-111214-1*

Аннотация

Не позволяй отнять у себя веру.

За нее надо бороться всегда.

Кассиэль предал Мун и лишил ее возможности спасти брата и сестру. Ангелы заперли девушку в темнице под Дворцом Дожей без надежды на спасение. Мун пытается сбежать, но попадает в руки падшего архангела Люцифера. Теперь девушка вынуждена участвовать в испытаниях ключей — опасных состязаниях, которые должны определить, способна ли она стать одной из тех, кому под силу открыть райские врата. Это единственный шанс разрушить планы ангелов и защитить свою семью. Однако выжить в испытаниях может лишь сильнейший.

Содержание

Пролог	5
Глава I	7
Глава II	21
Глава III	55
Глава IV	102
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Мара Вульф

Гнев ангелов

*Для моего отца, который считал, что иногда не
лишним будет почитать Библию*

Пролог

Две небесных войны потрясли мир в начале времен. Люцифер, любимый сын Господа, обозлился на своего отца, потому что тот требовал, чтобы ангелы прислуживали людям в раю. Люцифер отказался подчиниться своему отцу и сел на трон, чтобы править семью небесными дворами самостоятельно. А затем Господь развязал Первую Небесную войну и изгнал Люцифера.

Но тот вернулся на небеса и уговорил своего друга Семьясу последовать за ним. Люцифер показал ему дочерей человека, и, так как Семьяса не смог перед ними устоять, он последовал за Люцифером, а за ними – еще двести других ангелов.

Эти ангелы взяли себе человеческих жен, подаривших им детей. Они передали женщинам божественные знания, открыли им тайны драгоценных камней, обучили их заклинаниям и магическим формулам. Они показали им лекарственные растения, научили их кузнечному делу и письму.

Тогда другие шесть архангелов выступили против Люцифера во Второй Небесной войне, потому что тот смешал кровь ангела с человеческой, а также посвятил женщин в небесные тайны. Рафаэль связал руки и ноги своего брата, а затем бросил его во тьму пустыни Дудаэль. Семьясу и других ангелов тоже схватили и заперли под землей. Жены и дети падших ангелов были убиты. В этот момент зло должно было быть окончательно уничтожено.

На самом же деле зло осталось частью этого мира, поэтому должна была начаться Третья Небесная война, способная навсегда разрешить спор между добром и злом.

Глава I

С тех пор как Фелиция стала навещать меня, мне становится лучше день ото дня. Я выпила чай, съела хлеб и цепляюсь за мысли о том, что Стар и Тициан ни в чем не нуждаются. Ангелы нацелились на меня, и если они думают, что я ключ, пускай так и продолжается. Я буду участвовать в испытаниях, если подобным образом смогу защитить свою сестру. Я запрещаю себе думать о Кассиэле. Тем не менее боль и смущение из-за моей доверчивости снова и снова проникают в мои мысли.

К счастью, в последние дни я сижу в камере одна. Других заключенных из нее увели. И я не знаю куда. С одной стороны, это хорошо, ведь я могу отдохнуть и набраться сил. А

с другой – плохо, ведь я бы с радостью поссорилась с кем-нибудь или подралась. Просто для того, чтобы избавиться от волнения и страха. Мне только и остается, что заниматься самобичеванием.

Когда-то после визита Фели Марко приносит мне брюки. Кажется, я совсем потеряла чувство времени, и не знаю, сколько дней прошло с тех пор, как меня посадили сюда: два или десять. Он просовывает одежду через железные прутья.

– Меня попросили передать тебе привет, – шепчет он так, чтобы другие стражники его не слышали. – Отец больше не выпускает ее из дома, но я должен сообщить, что тебе не о чем беспокоиться.

Я киваю ему в ответ. Как такое вообще возможно? Я впустила ангела в наш дом. Подарила ему свое сердце, подвергнув опасности брата и сестру. Все, за что я боролась, потеряно. Моя свобода, но прежде всего мои деньги, а вместе с ними и возможность для Стар и Тициана покинуть город. Это голые факты. Теперь я сижу в камере под Дворцом дождей и жду, когда ангелы найдут других девушек, которые нужны им для испытания ключей. Интересно, целует ли Кассиэль кого-то из них так же, как целовал меня? По моей спине пробегают дрожь. Я была одинока: это единственная причина, по которой я доверилась ему. Это объяснение, но не оправдание. Потому что оправдания случившемуся нет. Я не понимаю, как кто-то может быть таким бесчувственным, ангел то или человек. Если сегодня у меня был бы такой выбор, я бы

самостоятельно привела мародеров в собор Сан-Марко прямо к Кассиэлю, чтобы они вырвали из него все перья.

Не успел Марко уйти, как я бесшумно поднялась с пола и продолжила свои упражнения. Мне нужно прийти в форму, и стражникам лучше об этом не знать.

Поэтому я отжимаюсь, приседаю или бегаю на одном месте так долго, как только могу. Если существует хоть крошечная возможность сбежать отсюда, я ей воспользуюсь. Интересно, Фелиция вернется? Возможно, я могла бы уговорить ее принести мне оружие. Я повисла на решетке спиной к двери и поднимаю согнутые ноги вверх. Впервые за все время я благодарна своей матери за многочасовые тренировки, на которые она обрекала меня, когда я была совсем ребенком. Долгие и одинокие часы в этом вонючем подземелье я думаю о том, что она отлично подготовила меня к этому. Я просто прогоняю свою программу, и физическая нагрузка выбивает из моей головы все мысли об этом мерзком ангеле.

Позже я ложусь под одеяло и прислушиваюсь к окружающим звукам: стонам других заключенных, рыданиям и крикам тех, кого пытаются в подземелье. Если бы кто-то спросил меня, я была бы готова поклясться, что это ангелы так издеваются над пленниками. Но наши надзиратели и мучители оказались людьми. Возможно, они делают это из-за того, что ангелы не хотят марать о нас свои руки. Вокруг меня крошечная тьма, и из-за нее звуки кажутся еще более громкими. По вечерам охранники гасят факелы, и в камерах становит-

ся так темно, что ты чувствуешь себя заживо погребенным. Крики и мольбы о помощи проникают в голову и в каждую клетку тела. Иногда мне даже кажется, что я вот-вот сойду с ума. Несмотря на холод, который выделяют влажные стены, пот стекает по моей спине. Я всегда считала себя смелой, но с каждым днем и каждой ночью, которые я здесь провожу, я все больше сомневаюсь в своих представлениях о себе и достигаю предела того, что могу вынести. Тут никогда не бывает тихо, и приходится постоянно быть начеку. Усталость изматывает. Я только днем время от времени разрешаю себе немного поспать. Ночью – никогда. Не знаю, сколько я еще выдержу. Остальные заключенные находятся в других камерах и не представляют опасности для меня теперь, когда ко мне вернулись силы – настоящая же угроза исходит от стражников. Я не могу не замечать их похотливых взглядов на себе, когда они приносят мне еду или следят за мной, когда я подмываюсь. В отличие от других пленников, я еще молода, да и все зубы еще при мне. Время, проведенное в темнице, не сломило меня и не обратило в ползающее по земле существо. Главный вопрос заключается в том, как долго это будет продолжаться. Мои волосы спутались, а кожа чешется от укусов жуков, ползающих в грязном сене. Если бы я только знала, что ожидает меня. Неизвестность – худшее, и она убивает.

Ключ в замке поворачивается, заставляя меня насторожиться. В это время в моей камере не должно никого быть.

Дверь открывается, и я слышу тихий скрип.

– Как дела сегодня у моей красавицы?

Рикардо, самый отвратительный и навязчивый стражник из всех. При любой удобной возможности он отпускает пошлые комментарии или пытается меня потрогать. Несмотря на вонь, окружающую меня, я чувствую кислый запах его пота. Он ставит фонарь, тускло освещающий мою камеру, на сено. Я смотрю на мужчину сквозь свои склеившиеся ресницы. Его зубы похожи на коричневые пни, а одежду, судя по всему, последний раз стирали еще до Вторжения. Его лицо грубое, а глаза пустые. Он закрывает за собой дверь, но не поворачивает ключ и подходит ко мне ближе.

– Вот и наступил момент, когда мы с тобой можем поразвлечься, – говорит он. – Я так давно этого ждал, – раздается высокий, беспокойный смех, а его рука поднимается выше и оттягивает мое одеяло. Я отпускаю его и напрягаю мышцы. Стражник наклоняется ко мне и кладет свою грязную руку на мой живот. Мне становится тошно, но я сглатываю горькую слюну. В мгновение, когда он подбирается к моим брюкам, я открываю глаза и вонзаю ногти в его лицо. От удивления мужчина вскрикивает. Я подскакиваю вверх. Если у меня получится пробраться дальше, возможно, я даже доберусь до двери. Рикардо, яростно фыркая, бросается на меня. Хотя он выглядит абсолютным оборванцем, стражник оказывается неожиданно сильным. Возможно, он просто забирает еду у других заключенных. Рикардо всем весом придав-

ливаает меня к стене, и я задыхаюсь, когда он прижимается лицом к моей щеке. Из его рта несет рыбными потрохами с рынка, и меня тошнит.

– Значит, пытаешься защищаться, – хрюкает он. – Мне это нравится.

Стражник заносит руку и ударяет меня кулаком в живот. Я съеживаюсь от боли, но все равно поднимаю ноги. К сожалению, я не попадаю в цель, но тем не менее вонзаю колено в его бедро. Удар заставляет мужчину упасть на землю, и я перепрыгиваю через него. Прежде чем я успеваю добраться до двери, его мясистые пальцы впиваются в мою лодыжку и оттаскивают меня назад. Я падаю на твердый каменный пол, а гнилая солома не смягчает удара. Боль распространяется по моему телу от пальцев ног до головы. Я издаю стон и перекатываюсь набок, ударяясь плечом о железную решетку. Следующий удар приходится на мое лицо: бровь разбита, а кровь стекает по щеке. У меня перехватывает дыхание, но я стараюсь не терять сознания, собираюсь с силами и цепляюсь за его ногу, прежде чем Рикардо успевает пнуть меня еще раз. Окружающий мир расплывается, потому что мой глаз опух. Стражник, застонав, падает на спину, когда я тяну его ногу к себе.

Мне нужно заставить его замолчать, пока другие стражники не услышали его, размышляю я сквозь туман своего гудящего черепа. Невзирая на боль, я сажусь на мужчину и прижимаю руку к его горлу. Я давлЮ снова и снова, пока он

не начинается хрипеть. Скрипящий звук слишком поздно доносится до моих ушей. Злость на этого отвратительного человека слишком велика, она сделала меня неосторожной. Я прихожу в себя только тогда, когда меня оттягивают от него.

– Ты, грязная дрянь! – кричит кто-то мне на ухо, через мгновение прижимая к стене. Другой стражник схватил меня и бьет по лицу. Один раз, второй, третий. Я хватаю воздух ртом и пытаюсь защититься руками. Но их кто-то держит. Я слышу смех и ощущаю очередной удар в живот.

– Ты нас за идиотов держишь, сволочь? – спрашивает другой мужчина. Я пытаюсь понять, сколько стражников собралось в моей камере. Со сколькими из них я могу сразиться и как долго смогу держать оборону? Они решили сделать кое-что похуже, чем просто избить меня. На секунду я притворяюсь, что сдалась. Хватка на моей руке сразу ослабевает.

– Вот и хорошо, – раздается голос справа от меня. – Лучше не сопротивляйся.

Я стараюсь хоть что-то разглядеть сквозь свои опухшие веки. Их трое, включая Рикардо, и они оставили дверь широко открытой. Если я до нее доберусь...

Один из мужчин дергает мои брюки, другой хватается за грудь. Меня на мгновение парализует от страха и отвращения.

Животные! Брюки скользят вниз. Я вытягиваю свою ногу, прежде чем парень, севший на корточки передо мной, успевает коснуться моей кожи, и ударяю его коленом по лицу.

Он с криком падает на спину и сбивает стоящий на полу фонарь. Сено тут же вспыхивает и начинает дымиться. Второй мужчина получает правым локтем по шее. Рикардо пытается потушить огонь, прыгая по нему, и на секунду отвлекается. Я бегу к двери и оказываюсь в темном коридоре. Я замечаю свет где-то вдалеке, но у меня совсем немного времени на размышления о том, куда бежать. Мои шансы, так или иначе, очень невелики. Но лучше уж выпрыгнуть из окна Дворца дождей, чем позволить мужчинам меня изнасиловать. Мои голые ступни хлюпают по грязному каменному полу, я поворачиваю за угол и молю о том, чтобы этот коридор не вел в тупик. Мне нужно вести себя тише, но мое дыхание срывается на хрип и слишком громко отдается в ушах. Один из ударов, вероятно, сломал мне ребро, потому что каждый вздох отзывается адской болью. Я ненадолго останавливаюсь и опускаюсь на колени. Мои ноги дрожат. Но я не могу позволить себе сделать перерыв. Если мужчины найдут меня, они воспользуются мной и убьют. Я бегу дальше и оказываюсь на лестнице, ведущей вниз. Позади себя я слышу крики. Они меня выследили! Не остается другого выбора, кроме как спуститься по лестнице. Может быть, там я найду вход в катакомбы. Вероятно, так можно добраться до библиотеки. Во мне зарождается невероятная надежда. Лестница заканчивается новым коридором, по правую и левую сторону которого располагаются двери других камер. Здесь тоже хрипят, стонут и плачут заключенные. Один или два из них слы-

шат мои шаги и протягивают свои руки наружу сквозь квадратные окошки. Но я не могу им помочь. Я и себе-то помочь не могу. Сворачиваю в другой коридор. Я больше не слышу своих преследователей, но не знаю, хороший или плохой это знак. Возможно, они просто выжидают, пока я совсем не отчаюсь. Вероятно, они знают, что отсюда никак не выбраться. Справа от меня виднеется узкий проход. В свете забытого факела я рассматриваю еще одну лестницу. Воздух становится все более затхлым и влажным, и я начинаю надеяться на то, что действительно нашла вход в катакомбы. Последуют ли они за мной? Совсем немногие люди ориентируются в этих подземных ходах. Катакомбы простираются под всем городом: входов, ведущих вниз, совсем немного. Многие были замурованы в прошедшие столетия.

Когда я достигаю подножия лестницы, то замечаю помещение с колоннами, подпирающими Дворец дождей. Между ними течет черная вода. В темноте она выглядит как грязная тряпка. Тусклый луч света проникает сюда сверху. Когда я осмеливаюсь зайти в воду и прохожу пару метров, меня окружает крошечная темнота. Я слышу шаги и крики. Они бегут за мной, поэтому я спускаюсь вниз по последним ступенькам и хватаю ртом воздух, когда мои голые ноги и бедра опускаются в воду. В последний раз я была в катакомбах, когда спасала Кассиэля. Надо было позволить ему утонуть! Я нащупываю путь сквозь темную воду и надеюсь ни на что не наступить, не споткнуться и не попасться. Крысы тут бы-

вают очень жирными. Когда я добираюсь до первых колонн, я делаю вдох.

– Эта дрянь не осмелится залезть в воду, – раздаётся чей-то голос, и я прячусь за колонной. Свет факела проносится по воде и снова исчезает. Этого достаточно, чтобы показать мне покрытые водорослями колонны и арки, а также несколько лестниц, которые, судя по всему, ведут во Дворец дождей. Мне нужно найти какой-то проход, который выведет меня наружу, потому что я не собираюсь возвращаться в грязную камеру. Я лучше умру в ледяной воде.

Мужчины все еще разговаривают.

– У нас будут серьезные проблемы, когда они заметят, что девчонка исчезла, – кричит один другому.

– Мы можем сказать, что она умерла, – звучит мгновенный ответ.

– А где же тогда ее труп, идиот?

Я прижимаюсь к колонне в надежде, что они не услышат моего дыхания. Конечности так дрожат, что вокруг меня по воде расходятся круги. Я кусаю себя за ладонь, чтобы заглушить стук своих зубов. Снаружи тепло, но вода ледяная.

– А что, если она попытается выбраться отсюда через катакомбы?

– Ты серьезно думаешь, что девчонка полезет в воду в темноте? Ты же знаешь истории о подземных существах, живущих под городом.

Эти ребята просто полные идиоты. С другой стороны, чего

еще ожидать от этих садистов? В мгновение, когда я думаю об этом, что-то касается моей ноги, и я вздрагиваю. Из моего горла вырывается крик, но в последний момент я зажимаю свой рот рукой. Это наверняка всего лишь рыба. Очень большая рыба.

– Ты это слышал? – спрашивает один из моих преследователей.

– Что? Давай свалим отсюда. Здесь очень страшно. Наверняка тут водятся привидения.

Я задумываюсь над тем, чтобы взвыть и поддержать их убеждение, но вдруг рябь на воде дает мне понять, что как минимум один из них залез в воду. Свет факела движется в мою сторону. Страх перед тем, что их накажут ангелы, оказывается сильнее, чем боязнь каких-то подземных существ. Но я не могу убежать сейчас. Он не должен меня увидеть. Нельзя допустить того, чтобы он нашел меня. Стражники завершат свое дело и утопят меня, чтобы никто не узнал о случившемся. Еще раз про себя я благодарю свою мать за знания, которые она мне дала. Ночные заплывы по Гранд-каналу были ничем не хуже этого. Причем тогда мне было всего четырнадцать. Я делаю вдох и как можно медленнее опускаюсь вниз. Вода ледяная, но, по крайней мере, она охлаждает раны. Я становлюсь на колени, сжимаю губы, чтобы не проглотить грязную воду, и стараюсь сделаться как можно более незаметной. Весь пол усыпан ракушками, которые царапают кожу на коленях. Время от времени я вижу отблески света

на поверхности воды. Эти мужчины оказались более дотошными, чем я думала. Когда у меня заканчивается воздух и я начинаю бояться, что задохнусь в любое мгновение, приходится зажать нос. Боль, поражающая меня, когда я касаюсь его, почти заставляет меня подпрыгнуть. Они мне еще и нос сломали. Я выдерживаю несколько секунд, но затем мне приходится вынырнуть, все равно там они еще или уже нет. Хотя я бы с радостью вынырнула и хватала бы воздух ртом, я лишь аккуратно втягиваю его губами. Вокруг меня тихо. Только вода ударяется о стены подземного тоннеля.

Без света факелов стало совсем темно. Не вижу даже своей руки перед глазами, но, по крайней мере, я здесь одна. К сожалению, я не чувствую никакого облегчения. Страх заблудиться и умереть собирается внутри меня и почти заставляет кричать. Кассиэль забрал у меня не только веру в существование добра в этом мире, но и веру в себя. Ощущение беспомощности оказывается болезненнее, чем все раны на моем теле. Этого я ему никогда не прощу. Меня охватили отчаяние и паника. Темнота, окружившая меня, стала всепоглощающей, я чувствую ее у себя на коже и могу ухватиться за нее рукой. Она окружила меня, словно тюремная камера, но без решеток. Я зажмуриваюсь, потому что глаза все равно мне здесь не помогут, и делаю шаг вперед. Острые края ракушек впиваются в мои ступни. Но у меня нет другого выбора, кроме как уходить прочь от лестницы, на которой меня могут подстерегать стражники. Кажется, целую вечность я

иду по темноте. Время от времени я упираюсь в колонны или руины стен под водой. Один раз я наступаю на кусок стекла и чувствую, как он распарывает мою кожу. Если бы здесь действительно водились подземные существа, то сейчас их бы точно привлекла моя кровь. Я не могу не размышлять о том, сколько людей погибло здесь за все века существования катакомб. Осознание того, что я хожу, возможно, по останкам, заставляет меня дрожать, но мне уже так холодно, что я едва чувствую собственное тело. Когда я наконец добираюсь до стены, то прижимаюсь к ней спиной. Каменная кладка влажная и пахнет плесенью, но я могу на нее опереться. Я медленно двигаюсь дальше и делаю вдох, когда оказываюсь у лестницы. Я падаю на ступеньки, опускаю голову на колени и прислушиваюсь. Вокруг тихо. Я чувствую себя последним человеком на земле. После того как мое сердцебиение успокаивается, я поднимаю свою поврежденную ногу. Стекло все еще торчит из моей кожи. Хотя я ничего не вижу, мне удастся вытащить его. Рана обязательно воспалится. Со всей этой грязью иначе и быть не может.

Какой смысл в том, чтобы идти дальше? Может, лучше остаться здесь и умереть? Я и в самом деле засыпаю, а когда снова прихожу в себя, уже лежу на ступеньках. Мне еще холоднее, чем прежде. Идея никогда больше не двигаться кажется очень соблазнительной, но мне больше ничего не остается, кроме как идти по ступенькам вверх, шаг за шагом. Стена из красного кирпича останавливает меня. Кто-то за-

муровал этот выход. Я беспокоюсь касаясь стены и неровных краев стыков. Мои движения становятся все более дергаными. Я нуждаюсь в свете. Сейчас же. Из моего горла вырывается крик, но я подавляю его, царапая ногтями жесткий, как железо, цемент. Я должна узнать, что находится по ту сторону. Но сколько бы усилий я ни прилагала, все безнадежно. Я отсюда не выберусь. Единственное, чего я добьюсь, это окровавленных пальцев. Они горят, словно охваченные огнем. Когда я понимаю, что мне остается только вернуться назад, я чувствую, как тело слабеет. Недолгий подъем забрал последние силы. На секунду я задаюсь вопросом, не стоило ли позволить мужчинам получить то, чего они хотели. От этой мысли мне становится так тошно, что я задыхаюсь. Я выплевываю горькую желчь в отвратительную соленую воду. Вот и все. Я цепляюсь за мысль о том, что у Стар и Тициана есть друзья, которые смогут им помочь. Больше, чем я. По моим щекам текут горячие слезы. Я пыталась, но недостаточно. Я потерпела поражение, но, по крайней мере, сорву своей смертью план ангелов. При мысли об этом я тихо усмехаюсь, и этот звук жутким эхом раскатывается по стенам.

Глава II

Я, должно быть, уснула. В любом случае я не мертва. Иначе бы моя голова не болела так сильно сейчас, когда я прихожу в себя. В то же время я чувствую онемение. Почему никто не освободит меня от этих страданий? Ничего не остается, кроме как снова спуститься по лестнице и отправиться на поиски другого выхода. Я игнорирую боль, голод и жажду, вонь и грязь и снова захожу в холодную воду. Единственное, что я не могу постоянно игнорировать, так это глубокий порез на моей ноге и сломанные ребра. Чем дольше я брожу в холоде и темноте и натыкаюсь на тупики, тем тяжелее мне становится дышать. Моя нога напоминает огромный опухший ком. Мне хочется просто сдаться. Я дремлю в каких-то

нишах, где пытаюсь найти защиту от крыс. Я потеряла уже всякое чувство времени, но точно знаю, что уже на протяжении многих часов, если не дней, брожу по подземелью. Иногда я кричу в темноту от отчаяния, проклиная ангелов в общем и Кассиэля в частности, пока у меня не остается на это сил. А затем я плачу, хотя слезы ослабляют меня еще больше, чем злость. Я даю еще один шанс последней лестнице. После этого я просто найду себе уголок и сяду умирать. Я больше не могу. Заползаю вверх по мокрым ступеням, скольжу и ударяюсь подбородком о камень. Со стоном я карабкаюсь дальше, а затем вдруг чувствую теплый ветерок на своей коже. Это определенно галлюцинация. Я опираюсь на локти и тащу ноги за собой. Еще одна ступенька, затем еще одна. Где-то наверху я вижу узкую полоску света и снова чувствую теплый воздух, стараясь нащупать его пальцами. Я вижу, как что-то двигается в этом свете, и прикусываю губу, чтобы не взвыть. Передо мной находится не стена, а еле движущийся занавес, за которым скрывается выход.

Я хочу сорвать его и рвануть в ту сторону. Я хочу подставить лицо солнцу и наполнить легкие свежим воздухом. Но я не делаю этого, потому что слышу шаги с той стороны. Это не шаги стражника, потому что они более твердые и уверенные. Кто бы там ни был, он не должен меня найти. Я не позволю им снова запереть меня.

– Ты уверен, что она сбежала? – Голос похож на шипение уличной кошки.

– Мы в любом случае не можем ее найти, – отвечает кто-то другой. – Стражники сказали, что она словно сошла с ума и бросилась на них, а затем убежала.

За этим следует тихий смех.

– Это на нее похоже. Но ты правда думаешь, что у нее был хоть какой-то шанс против этих трех мужчин? Михаэль специально выискивал их, чтобы сделать стражниками. Надо было нам вытащить ее оттуда. Почему мне раньше об этом не сказали?

Я пытаюсь следить за нитью разговора и в то же время тише стучать зубами. Я почти наверняка знаю, кто стоит там и о чем они разговаривают. Из одной змеиной ямы я попала в другую. За гобеленом стоит Люцифер, падший ангел номер один, бывший фаворит своего создателя и принц ада. Именно из-за него я попала в эту ситуацию. Какое преступление я совершила, чтобы заслужить такую судьбу?

– Это было бы слишком опасно, и другие архангелы бы все поняли, – тихо отвечает Семьяса. – Не упрекай себя в этом.

Люцифер вздыхает.

– Она не заслужила такого. Не надо было вообще ее запереть.

– У тебя не было выбора. Балам сейчас приведет одного из стражников, и мы его допросим. Куда бы она сбежала? Мы ее найдем.

Я устало прислоняюсь к стене. Этот разговор ошеломляет меня. Ему что, стало жаль, что он отправил меня в темницу?

Или Люциферу не нравится эта ситуация, потому что ему придется искать другую кандидатку на роль ключа? Что мне делать сейчас? Насколько велик шанс того, что один из выходов ведет прямо в покои Люцифера? Едва ли можно быть еще более неудачливой. Если он меня увидит, мне крышка. Рубашка промокла до нитки и липнет к телу, а ледяная вода стекает вниз по ногам и собирается в лужу на каменном полу. Она смешивается с кровью из моей израненной ступни.

– Я никогда не думал, что найти ее будет так сложно, – говорит Люцифер, его голос при этом звучит задумчиво. – Я надеялся, что они оставляют более заметные следы в этом мире.

Несмотря на страх и усталость, я стараюсь слушать его внимательно. Отец всегда интересовался тем, как именно ангелы ищут девушек, которые участвуют в испытаниях ключей. Возможно, у меня есть шанс наконец разгадать эту загадку.

– У нас тогда не было времени ни на то, чтобы спрятать девушек, ни на то, чтобы дать им какие-то точные инструкции. Многие из них были слишком молоды для того, чтобы понять, что с ними произошло, – отвечает Семьяса. – А мужчины целыми веками подавляли их волю. Может быть, наша идея с самого начала была обречена на провал.

Этот разговор вызывает во мне какие-то воспоминания. Я закрываю глаза и пытаюсь сконцентрироваться на них, несмотря на боль. В ночь перед тем, как открылась арена, у

меня был один из этих странных снов.

— *Нам надо увести ее отсюда,* — говорил кто-то в том сне, пока я пряталась за темно-красным занавесом. Или, скорее, человек, которым я была в этом сне.

— *А где они будут в безопасности?* — спросил кто-то другой, и теперь я снова узнала эти два голоса, потому что тоже пряталась за занавесом.

— *Он везде их найдет,* — сказал тогда Люцифер.

— *Если мы не оставим следов, не найдет. Мы должны хотя бы попытаться,* — ответил ему Семьяса. Его голос был измученным. Чувства женщины, которой я была в этом сне, снова отзывались во мне. Тогда я видела воспоминания чужого человека. Они с Семьясой были близки. Я чувствовала ее страх, тоску и отчаяние. Люцифер ответил усталым стоном.

— *А ты сможешь это устроить?*

Женщина отодвинула занавес в сторону, и мужчины замерли.

— *Я нигуда не пойду,* — сказала она уверенным голосом. — *Без тебя нигуда.*

Семьяса подошел к ней и обнял ее.

— *Но у нас нет никаких шансов против его армии. Нас слишком мало. Мы спрячем девочек,* — прошептал он ей на ухо. — *Это единственное, что мы можем сделать.*

Раздается звук, как будто кто-то ударяет по деревянной доске, и воспоминание о сне угасает.

– Черт возьми, – шипит Люцифер.

– Мун вынослива, – пытается Семьяса успокоить его, – она наверняка где-то спряталась.

Дверь открывается, и кто-то еще заходит в комнату.

– Где она? – раздается знакомый мне голос, и я прижимаю свою грязную руку ко рту, чтобы не вскрикнуть от неожиданности. – Что ты с ней сделал?

– Ангел четвертого небесного двора явился в самую пасть геенны огненной, – замечает Люцифер, и его голос сочится сарказмом. – Кто бы мог подумать. Кассиэль, какая честь!

– Можешь спрятать свой цинизм куда подальше. Где Мун?

– Откуда мне знать? Может быть, ты освободил ее из темницы и увел в безопасное место? Все-таки ты обязан этой маленькой девочке своей жизнью. С ее стороны было очень смелым поступком защитить тебя. Она могла умереть, пока тащила тебя на себе.

За этими словами следует оглушительное молчание. По моей щеке стекает слеза, но я не смахиваю ее.

– Ты, как и я, знаешь, что у меня не было выбора.

Голос Кассиэля теперь звучит напряженно.

– А я знаю, по-твоему? – Шаги Люцифера яростно грохочут по каменному полу, и мне приходится напрячься, чтобы понять, что он сказал.

– Конечно, я и на секунду не подумал, что ты можешь пой-

ти против Михаэля. Люди этого недостойны, не правда ли, Кассиэль? Тем более девушка, даже если речь идет о Мун.

– Я не буду оправдываться перед тобой, – уверенно отвечает Кассиэль. – Ты думаешь только о себе. В течение тысяч лет другим архангелам приходится расплачиваться за то, что ты натворил. Каждый из нас поступает со своими желаниями, кроме тебя. Ты все такой же надменный и самоуверенный, как и десять тысяч лет назад.

– Исчезни из моих покоев, пока я не перебросил тебя через парапет, – говорит Люцифер. – И больше никогда здесь не появляйся!

– Я уйду только тогда, когда узнаю, где Мун и как у нее дела.

Значит, теперь он захотел мне помочь? Теперь он решил обо мне позаботиться? Кассиэль это явно несерьезно. Мне не нужна ни его помощь, ни забота. Пусть идет к черту! Хотя он уже и так тут. Истерический смех вырывается из меня, но я прикусываю губу. От ярости я дрожу еще сильнее, чем от холода, и чуть не пропускаю мимо ушей звук снова открывающейся двери. Я слышу стон, и что-то скользит по полу. Я не могу ничего с собой поделать и приподнимаю занавес, чтобы заглянуть под него. Сначала я вижу только сапоги, но потом еще немного приподнимаю ткань. Ангелы находятся в комнате, напоминающей рабочий кабинет. Стены обставлены книжными полками, а в центре стоит огромный письменный стол, заваленный горами бумаг. Высокие арочные

окна впускают внутрь комнаты солнечный свет, в котором танцует пыль. Ковер лишь частично прикрывает мраморный пол. Сначала я вижу Семьясу. Он расслабленно опирается на письменный стол и крутит глобус, похожий на те, которые стояли в библиотеке моего отца. Люцифер встал перед Кассиэлем, и оба уставились на грязную кучу у их ног. Кассиэль побледнел. При взгляде на него мое сердце на мгновение останавливается. Он предал меня ценой похвалы своего архангела. За красивым фасадом скрывается душа Иуды. Если у него вообще есть душа. Куча двигается, и я узнаю Рикардо, грязного стражника. К сожалению, я могу рассмотреть его только сзади. Я бы хотела узнать, насколько сильно я разукрасила его в ответ, когда они с друзьями меня избивали. Я аккуратно касаюсь своего сломанного носа. Он стал большим и опухшим и болит, даже когда я едва до него дотрагиваюсь.

Семьяса подходит к стражнику и пинает его кончиком ботинка. Рикардо тихо хныкает. Все ясно, он панически боится ангелов, а в темнице вымещает свою злость на заключенных.

– Может, ты хочешь нам что-то рассказать? – спрашивает Люцифер, и даже я замираю, услышав этот ледяной тон. Он одет в черное, и я вижу, как его темные крылья сверкают в солнечном свете. Туман окутал Люцифера и ползет по мраморному полу в направлении стражника, который судорожно от него уклоняется. Рядом с окруженным темнотой Люцифером Кассиэль кажется светлым, как день.

– Она напала на меня, когда я принес ей еду, – заикается он. – Она бросилась на меня как сумасшедшая!

– Безоружная девушка? – спросил Люцифер. – Девушка, которая только-только оправилась после болезни, если меня правильно проинформировали.

Рикардо уставился в пол. Если бы он мог, он бы утопился в мраморе.

– Куда она убежала? – вмешивается Кассиэль. – Она была одна?

Рикардо кивает:

– Она убежала в катакомбы. Мы везде ее искали, но не нашли. Она наверняка уже давно мертва. Все выходы замурованы. Она не выберется оттуда.

Кассиэль становится еще бледнее и недоверчиво качает головой:

– Ты думаешь, она мертва?

Рикардо кивает, не поднимая на него взгляда, и Кассиэль проводит обеими руками по волосам.

Пусть он так и думает. Так будет даже лучше. Если ангелы заметят меня, Люцифер сразу же отдаст Семьясе приказ снова бросить меня в темницу, а в моем нынешнем состоянии Рикардо куда легче удастся получить от меня желаемое.

Кассиэль тихо вздыхает, оборачивается и идет к двери.

– Ты куда собрался? – спрашивает Люцифер. – Ты не хочешь узнать, что еще он может рассказать о местонахождении Мун? О том, где может быть ее труп?

– Я пришел, потому что надеялся, что она у тебя. Но я ошибся, – ангел переводит дыхание. – Мун исчезла два дня назад. Никто не выживет в катакомбах так долго. Она мертва, и я ничего не могу с этим поделать.

– Тем не менее ты можешь отправиться на ее поиски, – провоцирует его Люцифер. – Ты мог бы спуститься в темные лабиринты, чтобы посмотреть, не оставили ли эти жестокие ублюдки от нее хоть что-то, что еще можно спасти. Может быть, тогда ты сможешь хоть как-то извиниться перед ней за свое предательство, – последние слова он выкрикивает так громко, что я вздрагиваю.

– Ты мог хотя бы попытаться спасти ее. Мог бы отплатить ей тем же за свое спасение. Но, конечно, ты выбираешь путь наименьшего сопротивления.

Рука Кассиэля уже лежит на дверной ручке.

– Уже слишком поздно, чтобы что-то менять, – отвечает он, и я задаюсь вопросом, что бы Кассиэль сделал, если бы нашел меня в покоях Люцифера.

Тот презрительно фыркает и машет на Кассиэля рукой.

Когда ангел исчезает, Люцифер пинает Рикардо по ногам.

– Расскажи нам, что именно произошло после того, как она сбежала, ленивый ты ублюдок! И я предупреждаю тебя, не смей мне лгать.

– Мы попытались остановить ее, но она очень быстро скрылась.

– А пока вы пытались ее удержать, вы решили заодно

снять с нее брюки? – Семьяса кажется заскучавшим, он рассматривает свои ногти. – Интересную же технику вы выбрали, чтобы остановить беглянку.

Рикардо закрывает свою голову руками в ожидании очередного удара, и он вполне может последовать, потому что Люцифер сжимает и разжимает кулаки, будто едва контролирует свою злость.

– Она сделала вид, что пытается нас соблазнить, – дрожащим голосом объясняет Рикардо.

Что за свинья! Я уже близка к тому, чтобы вылезти из-за занавеса и ударить своего мерзкого обидчика прямо между ног. Нападать на беззащитных девушек и так раболепствовать перед ангелами – последнее дело. Неудивительно, что ангелы нас так презирают. Надеюсь, они ему не верят.

Люцифер почти весело смеется, скрещивая руки на груди.

– Я уверен, она просто с ума сходила по вам, немывтым и вонючим придуркам.

Если бы я чувствовала себя лучше, я бы даже улыбнулась. Но мне удастся только прохрипеть. Я запретила себе думать о том, что эти мужчины сделали бы со мной. Но мысли об этом сами приходят в мою голову. Теперь я зажмуриваюсь, чтобы прогнать эти картины. Когда я снова открываю глаза, я замечаю на столе чашку чая и тарелку с кантуччини¹.

¹ Кантуччини – это вид печенья, распространенного в Тоскане. Готовится из муки, сахара, масла, яиц с добавлением миндаля. Тесто формируют в виде батона, запекают, потом разрезают на ломтики и снова запекают.

Мой живот урчит, а взгляд Люцифера скользит по комнате. Я опускаю занавеску и прижимаюсь к стене.

– Ты хоть понимаешь, в какие неприятности ты вляпался? – слышу я его голос. – Мун де Анджелис – кандидат на испытания ключей, идиот!

Рикардо заикается:

– Если она умерла, значит, такая у нее судьба...

– Судьба? – гремит голос Люцифера, заполняя комнату, и я замираю.

– Ну, она же не единственная девочка в семье, – продолжает Рикардо. – Что насчет другой из библиотеки? Там была еще одна девчонка.

У меня перехватывает дыхание. Нет! Откуда он вообще знает о Стар? Это невозможно!

– Наверняка она ключ. Она была очень красивой и намного более покорной, чем это неуправляемое чудовище.

– Ты о чем вообще говоришь? – Люцифер как бы подчеркивает каждое слово, словно с трудом сдерживает себя.

– О сестре Мун. Стоит попробовать с ней.

В это мгновение мне кажется, что мир остановился. Все, что я делала, было для защиты Стар. И все обернулось прахом. Все... Я пытаюсь слегка отодвинуть занавеску в сторону.

– У нее есть сестра? – спрашивает Люцифер, обращаясь к Семейсе. – Почему я об этом ничего не знаю?

Тот пожимает плечами:

– Кассиэль никогда не упоминал вторую девочку.

Люцифер снова начинает ходить взад-вперед.

Рикардо осмеливается посмотреть вверх и кивает:

– До вашего возвращения я работал в музее. Там были две маленькие девочки. Эта, дерзкая, и еще одна, которая не разговаривала, но при этом выглядела как ангел, – стражник задыхается, словно понимая, что он только что сказал. Сравнивать человека с ангелом сегодня считается оскорблением. Никакой человек не может быть идеальным, как ангел.

Люцифер скрещивает руки на груди:

– Она выглядела как ангел? Значит, ты не уверен, что она все еще жива?

– С тех пор я ее больше не видел, – признается Рикардо. – Может быть, она уже умерла. Их мать и отец уже умерли.

От холода и голода у меня голова идет кругом, но мне нужно что-то предпринять. Если Люцифер решит отправиться на поиски Стар, она, считай, потеряна. Они увидят в ней идеальный ключ. Я не могу этого позволить.

– Убери его с глаз моих, – требует Люцифер в момент, когда меня охватывает отчаяние. – Если я еще хоть раз поймаю тебя на том, что ты плохо обращаешься с заключенными, я сразу перережу тебе горло, – добавляет он таким будничным тоном, словно заказывает стакан воды в ресторане. Слова звучат совершенно бесстрастно, а меня охватывает паника. Руки дрожат, а мое тело покрывается холодным потом. Что он сделает, если найдет меня здесь? Кровь ударяет по венам.

Все было напрасно. Земля уходит из-под ног.

– Поднимайся с пола, – командует Семьяса ноющему стражнику, а затем я слышу затихающий звук шаркающих шагов и закрывающейся двери.

Я заставляю себя вдыхать через нос и выдыхать через рот. Это не помогает мне успокоиться. Нужно выбраться из этого чертового дворца. И как можно скорее. Но даже если мне это удастся, куда я поведу Стар? Фениксу придется спрятать ее. Он знает такие места в городе, о которых не слышали ни люди, ни ангелы. Он моя единственная надежда. Нужно только предупредить его об этом. После они могут делать со мной все, что захотят. Я пройду эти испытания, если это та цена, которую я должна заплатить за безопасность своей сестры.

Но пока что я заперта в этом коридоре. Я не могу вернуться, потому что боюсь снова потеряться в путанице подземных переходов. Отсюда выйти я смогу только тогда, когда Люцифер покинет комнату. Я слышу, как он вышагивает по комнате туда-обратно. Неужели у него нет неотложных дел? Мне плохо, и я срочно должна что-то выпить, прежде чем сойду с ума от обезвоживания. Рана на моей ноге выглядит не очень хорошо, и, хотя мои глаза уже не такие опухшие, мое лицо явно усыпано синяками. Я аккуратно втягиваю свежий воздух в легкие и пытаюсь увлажнить свои разбитые губы языком. Боль заставляет меня тихо стонать, и шаги в комнате утихают. Секундой позже занавеска отодвигается в сто-

рону.

– Мун! – Люцифер становится на колени передо мной. Его голос кажется ошеломленным и в то же время обеспокоенным. – Ты что здесь делаешь?

Действительно, что я здесь делаю? Ожидаю свое водное такси. Злость на него и весь мир зажигается во мне, а лихорадочные мысли одна за другой приходят в голову. К сожалению, ни одна из них не может быть реализована. Я опустошена, и у меня нет сил прыгнуть и оттолкнуть его в сторону. Я даже пальцем пошевелить не могу.

– Воды, – шепчу я вместо этого.

Люцифер кладет палец на мой подбородок. Куда мягче, чем я ожидала, он поворачивает к себе мою голову и рассматривает мое избитое лицо.

– Это стражники с тобой сделали?

Я не отвечаю ему. Он должен уйти. Люцифер и так уже достаточно унизил и оскорбил меня, а потом запер меня в темнице. Что ему еще нужно? Ему не хватило? Гнев во мне сгущается, словно грязная, жесткая смола. Я хочу ударить его. Хочу бить его снова и снова. Это не охранники виноваты в том, что со мной произошло, а он. Люцифер должен был знать, в какие условия меня помещает, и он позволил мне сгнить на этом грязном сене в подземелье.

Люцифер встает и идет к письменному столу. Через секунду он снова оказывается рядом со мной и подносит стакан к моим разбитым губам. Я жадно пью теплый чай, ко-

торый сладостью растекается по моему горлу. Когда стакан опустел, Люцифер отставляет его в сторону. Я хочу больше. Его холодные пальцы гладят меня по лбу.

– Ты все это время была в катакомбах?

Я снова не отвечаю. Неужели я действительно провела там два дня? Они тянулись, словно десятилетие. Как я вообще смогла выжить там все это время?

– Поговори со мной. Скажи мне что-нибудь.

Не дождется. Исчезни, хочу я сказать ему. Исчезни и оставь меня в покое. Но я должна сказать что-то, чтобы отвлечь его от Стар. В моей голове вата, и я так устала. По крайней мере, паника испарилась, хотя мое сердце все еще бьется слишком быстро. Вместо того чтобы исчезнуть, Люцифер без предупреждения скользит руками по моей спине и ногам. Я слышу, как он шипит, когда касается моей голой кожи и поднимает меня на руки. Я воняю, испачкана кровью и вся в грязи, почему он это делает? Почему он не зовет стражников и не отправляет меня обратно в камеру? Я ничего не могу предпринять, разве что прыгнуть с балкона – их во Дворце дождей достаточно. Но несмотря ни на что, я не хочу умирать. Я не могу умереть, ведь теперь он знает о Стар.

– Ты запачкаешь свою красивую рубашку, – выдавливаю я, пытаюсь выскользнуть из его рук. Я не хочу, чтобы он нес меня. Только не он.

– Я так и думал, что ты очнешься, когда я прижму тебя

к своей груди. – Люцифер демонстративно прижимает меня сильнее. – Ты так и не научилась хранить молчание, когда ситуация этого требует.

Мой дух противоречия ослабевает, когда дверь открывается. Против двух ангелов у меня еще меньше шансов, чем против одного.

– Неужели наша блудная дочь вернулась? – слышу я Семьясу, выдыхающего с облегчением. – Или ты уже давно ее там прятал, Люц? Эх!

Я очень надеюсь, что фраза о блудной дочери – это всего лишь метафора.

– Она только что упала мне в ноги, – отвечает Люцифер. – Будь полезным и позови врача. Он должен ее осмотреть.

Люцифер делает пару шагов в сторону двери. Я не хочу, чтобы он заметил это, но при мысли о том, что он отнесет меня обратно в темницу, я вздрагиваю. Тем не менее я не буду ни просить, ни молить его о том, чтобы он отнес меня в другое место. Моя гордость – последнее, что у меня осталось.

– Думаешь, они ее... – продолжает Семьяса.

Из-за его обеспокоенного тона я понимаю, что он хочет спросить, ведь я полуголая.

– Я не знаю, – отвечает Люцифер. – В любом случае они ужасно с ней обращались.

– Эти мужчины тоже не выглядели здоровыми, – отмечает Семьяса. – Судя по всему, она защищалась, как дьявол.

– Забавный каламбур, – шепчу я. – И нет, они этого не сделали. Я бы их кастрировала.

Семьяса тихо смеется.

– Эту девчонку не так просто сломить. Что ты думаешь с ней делать? Только не говори, что ты снова отправишь ее в эту вонючую дыру, – озвучивает Семьяса предположение, которое меня тоже очень интересует.

– Я отнесу ее в свои покои, а ты сейчас же отправишься за врачом, – напряженно вздыхает Люцифер.

– Ты думаешь, это разумно? – спрашивает Семьяса. – Ты не можешь предъявлять свои претензии на одного из кандидатов до церемонии выбора. Михаэль и Габриэль, возможно, сочтут это провокацией.

– Я не предъявляю никаких претензий. Если кто-то из них захочет забрать Мун, они знают, где ее найти. Я лишь позабочусь о том, чтобы она дожила до испытаний, а пока ты стоишь здесь, я сомневаюсь, что это возможно.

– Я уже уйду. Не обижай ее, брат.

Когда мы снова остаемся наедине, я напрягаюсь в руках Люцифера и пытаюсь собрать все свои силы, чтобы сбежать при первой же возможности. Габриэль убил моего отца, а по приказу Михаэля Кассиэль обманул и предал меня. Я не думала, что Люцифер станет меньшим из зол.

Он, конечно же, не может не заметить моих телодвижений.

– Забудь об этом, – бормочет он, шагая по комнате. – В

этот раз ты от меня не сбежишь.

Это мы еще посмотрим. Один раз мне это уже удалось, и во второй раз тоже получится. Чтобы сломить мой дух сопротивления, им придется меня убить.

К моему удивлению, Люцифер действительно не несет меня обратно в темницу, а спускается по лестнице со мной на руках. Мы проходим по нескольким коридорам. Я стараюсь запомнить, куда он идет, но от усталости, голода и боли у меня кружится голова. Я чувствую, как я проваливаюсь в сон, а его равномерные шаги еще больше меня усыпляют. Моя голова лежит на его плече, и я чувствую, что он все еще пахнет шоколадом. Неужели Люцифер целыми килограммами его ест? Натренированная фигура архангела явно противоречит этому предположению.

– Не засыпай, – командует он. – Тебе обязательно нужно принять ванну, а еще врач должен тебя осмотреть. На тебе вообще осталось хоть одно живое место?

– Не знаю. Мне так не кажется.

Я пытаюсь не поддаваться усталости, но с каждым пройденным метром мне все сложнее это дается. Только когда Люцифер кричит на кого-то, чтобы тот открыл дверь, я частично прихожу в себя и хлопаю глазами. Перед высокой двустворчатой дверью стоят два ангела. По его приказу они открывают ее, и Люцифер заносит меня в огромную, наполненную светом комнату.

На широких белых диванах сидят ангелы, которые любо-

пытны поворачиваются в нашу сторону. Прозрачные занавески колышутся перед большими арочными окнами в свете вечернего солнца. Здесь пахнет розами и лавандой. После Вторжения ангелы внесли много изменений в архитектуру Дворца дождей. Но такого я не ожидала. Великолепие и декаданс пугают меня – особенно в сравнении с бедностью, воцарившейся на улицах. У них есть все, а у нас – ничего.

– Опустить меня на пол! – шиплю я, но Люцифер делает вид, что совсем меня не слышит.

– Что ты там снова подобрал, Люц? – спрашивает Наама своим типично скучающим тоном. Она размахивает своим бокалом с пузырящейся жидкостью и делает глоток. Сегодня на ней струящаяся шелковая мантия, а волосы распущены. Девушка выглядит потрясающе. Когда Люцифер игнорирует ее, она поджимает губы и изучает меня своими прищуренными глазами. Я осматриваю комнату на предмет возможных путей побега, но с таким количеством ангелов в помещении у меня нет шансов.

– Мун нужно искупать в ванне. Лилит? – огрызается Люцифер.

Другая молодая женщина с распущенными рыжими волосами, завернутая в красочный шелковый кафтан, крылья которой переливаются всеми цветами радуги, встает, кивает и упархивает прочь. Он назвал ее Лилит? Так звали первую жену Адама, которая, согласно легенде, стала демоном. В Священных Писаниях она никогда не описывалась как кра-

сивая эльфийка, скорее называлась фурией и убивающим детей чудовищем. Но я уже ничему не удивляюсь. Столько всего, во что мы когда-то верили, оказалось неправдой после того, как ангелы вернулись на землю. Ангелы – не мягкосердечные существа, защищающие и направляющие нас.

– Ты еще не заснула? – спрашивает меня Люцифер, следующий за девушкой в соседнюю комнату. Она такая же солнечная, как и другая. После дней, проведенных в темной и зловонной канализации, я зажмуриваю глаза, потому что солнце ослепляет меня. Люцифер аккуратно опускает меня на пуфик.

– Я оставлю вас вдвоем и предупреждаю тебя, Мун. Не делай глупостей.

Я и не буду, пока ты держишься подальше от моей сестры, хочется сказать мне вслух. Не уверена, что это было бы разумным решением. Кроме того, я больше не могу сохранять свою голову ясной и не доверяю своему разуму. В последнее время я совершила слишком много ошибок. Но мне нужно сказать ему, что моя сестра мертва. Другое решение не приходит мне на ум. Служанки заходят в комнату. Это кающиеся, которые счастливы иметь возможность облизывать ноги ангелов. Мне противно от того, как покорно они обхаживают Люцифера, даже не поднимая на него глаз. Почему он не уходит?

Я слышу плеск воды. Конечно, наверняка во Дворце дождей воду не нужно тащить из цистерны и предварительно

нагревать. По какой-то мне неясной причине водопроводные трубы здесь все еще функционируют. Запах трав распространяется по помещению и ударяет мне в нос. Я чувствую розмарин, фенхель, анис и еще что-то цветочное.

– Ты справишься с ней одна? – обращается Люцифер к Лилит. – Она замерзла и поранилась. Я уже послал за врачом.

– Если она может сама залезть в ванну, без проблем, – отвечает ему Лилит. За этим следует молчание, а затем я понимаю, что будет, если я не смогу этого сделать. Кому-то придется положить меня в ванну. Разве демоны не все невероятно сильные? Неужели Лилит не сможет мне помочь? Я вздыхаю. Ни в коем случае я не позволю Люциферу держать меня голую на руках.

– Я в состоянии это сделать, – бормочу я, кажется, слыша облегченный выдох в ответ.

– Тогда иди уже. Не переживай, – торопит его Лилит. – Мы ее вылечим. Придумай лучше, что ты скажешь Габриэлю. Я не позволю им снова отправить ее в темницу, – продолжает воинственно настроенная девушка.

Я немного озадачена тем, как она общается с принцем ада. Это не звучит неуважительно, но и не звучит покорно. В любом случае эта маленькая девушка его не боится.

Люцифер остается у двери, а кающиеся проскальзывают мимо него.

– Что бы я делал без твоих умных советов, Лилит, – улы-

бается он ей.

– Вот и я не знаю, – ухмыляется она.

Люцифер наконец уходит, и дверь за ним закрывается.

Лилит приносит мне стакан воды, в котором плавает долька апельсина. Я жадно выпиваю воду, хотя мои разбитые губы явно против этого. Затем она помогает мне выпрямиться. Лилит стягивает мою затвердевшую от грязи рубашку через голову. За ней следуют майка и нижнее белье. Кажется, ее совсем не волнует ни то, что она пачкает о меня свои руки, ни то, что я человек. В ее глазах я вижу сочувствие, которое я не ожидала увидеть в глазах ангела. Вдруг Лилит резко втягивает в себя воздух. Я моргаю, уставившись в пол.

– Радуйся, что Люц не увидел твоих ран, – говорит она. – Он тут же бы зарезал парней, которые так с тобой поступили.

Это не было пустой угрозой, потому что я действительно выгляжу жутко. Мое тело покрыто зелеными и сине-черными кровоподтеками. На ногах и руках порезы. Своего лица я не вижу, но, когда ощупываю его, я чувствую пальцами отеки и небольшую кривизну своего носа.

Лилит помогает мне залезть в ванну, и я, приложив некоторые усилия, сажусь в нее. Моя израненная кожа горит от теплой воды словно огнем, но согревает. Я не могу поверить, что скоро перестану мерзнуть и, возможно, выздоровею. Я аккуратно погружаюсь в воду, чтобы намочить волосы. Они расплываются веером вокруг меня. Когда я снова вынырываю, Лилит садится позади и начинает намыливать мое те-

ло. Если бы это не сопровождалось такой болью, возможно, мне было бы даже приятно. Однако я ужасно напряжена. Я сижу в теплой ванне в покоях Люцифера, женщина-демон моет мне голову, а я вся покрыта синяками и боюсь того, что принц ада в это мгновение пытается добраться до моей сестры. Мной овладевает желание вскочить с места и что-то предпринять. Но остаток здравого смысла твердит о том, что у меня нет ни малейшего шанса выбраться отсюда.

– Ты жутко воняешь, а твои волосы – просто катастрофа, – говорит Лилит. – Но мы это исправим.

– Мне плевать, как я пахну, – отвечаю я. – У меня другие заботы. Будь моя воля, я бы просто обрезала волосы.

– Ни в коем случае, – говорит Лилит. – А о проблемах позаботится Люц, поэтому расслабься.

Это как раз то, что волнует меня больше всего, но я не могу сказать ей об этом.

– Мне нужно с ним поговорить.

– Мне его сейчас позвать? Это будет неуместно.

Неуместно? Что вообще еще уместно в этом мире? Она надо мной издевается? Я качаю головой, которая отвечает мне гудением. Но Лилит права. Лучше подождать до тех пор, пока я не оденусь.

Одна из служанок заходит в помещение и приносит чистые вещи. Они с Лилит помогают мне выкарабкаться из ванны. Я аккуратно вытираюсь теплым полотенцем. Чтобы одеться, мне нужна помощь Лилит. Если она и считает стран-

ным помогать человеку, по ней не скажешь. Ну, или же ей это просто несложно. Мне тяжело в это поверить.

– Так, надо уложить тебя в кровать, – говорит она после того, как распутала и расчесала мои волосы. Девушка берет меня за руку, и мы медленно идем в комнату. Моя нога так болит, будто стекло все еще торчит в ране. Я не могу наступать на ступню и тяжело выдыхаю, когда мы добираемся до двери.

Комната, в которой прежде сидело множество ангелов, теперь пуста. Только Люцифер стоит у окна и выглядывает наружу. Значит, он все еще не вломился в библиотеку вместе со всей своей бандой. Когда ангел нас видит, он широкими шагами идет в нашу сторону.

– Пресвятые небеса, – говорит он тихо, – чистой она выглядит еще хуже.

– Он всегда великолепно умел делать комплименты, – информирует меня Лилит, и Люцифер вздыхает.

У меня нет ни сил, ни желания вести бессмысленные разговоры, да и к шуткам я сейчас не особенно восприимчива, ведь я нахожусь среди злейших врагов. Я пытаюсь понять, что они собираются делать со мной, но мне это не удастся. Голова и ноги одновременно меня подводят, и я прислоняюсь к дверному косяку.

– Придется тебе донести ее до кровати, – обращается Лилит к Люциферу. – Она не справится с этим самостоятельно. Я отступаю назад и спотыкаюсь:

– Ни в коем случае.

– Мне это нравится не больше твоего, – отвечает Люцифер, – но, обещаю тебе, я куда аккуратнее, чем твои тюремщики.

С этим можно поспорить.

– Если я смогу на тебя опираться, этого будет достаточно, – говорю я, стиснув зубы.

– Как хочешь, – он обнимает меня за талию и прижимает к себе.

Для меня это слишком тесный телесный контакт, но так я могу не наступать на поврежденную ногу полностью. Мы покидаем салон, и Люцифер придерживает меня, пока мы проходим по паре узких коридоров. Моя гордость остается при мне. Я внимательно рассматриваю то, что меня окружает, и пытаюсь запомнить как можно больше деталей. По правую и левую сторону от коридоров располагаются двери. На маленьких столиках стоят свечи, освещающие великолепные цветные обои.

– Ты в покоях пятого небесного двора, – подтверждает он мои догадки. – У каждого архангела есть свое крыло во Дворце дождей. Мы тебя вылечим и позаботимся о тебе. Я был бы очень признателен, если бы ты не покидала мои покои. По крайней мере, без сопровождающего и без моего на то разрешения. Как только ты снова почувствуешь в себе силы, можешь передвигаться по этому крылу как тебе угодно.

– Но мне нельзя пойти домой. Верно?

– Какая же ты умная, – отвечает он. – Я хотел, чтобы мы сразу договорились об этом, потому что боюсь, что ты будешь старательно пытаться вернуться домой к брату и сестре.

При упоминании Стар я снова начинаю трястись. Значит, он не забыл о том, что сказал Рикардо. Его хватка на моей руке усиливается, и я чувствую тепло его крыла.

– Прекрати, – выдавливаю я.

– Я просто хотел тебя согреть, – спокойно отвечает он, но убирает крыло в сторону.

Я сжимаю губы, чтобы не застонать от отчаяния. И что мне теперь делать?

Лилит идет впереди и делает вид, что не слышит нашего разговора. Наконец она открывает двери, ведущие в маленькую комнату. Я все еще не пришла в себя как следует. Теплая ванна высосала из моего тела последние силы. Но мне никак нельзя засыпать. Надо сказать Пьетро о том, что он должен спрятать Стар. Но в мгновение, когда Лилит помогает мне залезть на мягкую кровать, я чувствую, как теряю сознание. Все вокруг меня начинает вертеться, а в глазах темнеет.

– Моя сестра давно мертва, – шепчу я, собравшись с последними силами, и из моих глаз текут слезы. – Она умерла от голода.

Внимательный взгляд Люцифера – это последнее, что я вижу, прежде чем заснуть. Кровать не воняет серой и достаточно теплая. Если в аду так уютно, я вполне могу к этому

привыкнуть.

Я нахожусь в незнакомой мне комнате. Стены помещения ярко раскрашены, и везде лежат напольные подушки, вокруг которых стоят маленькие столики. Я вижу стаканы и тарелки с пирогами или хлебом. Мне кажется, что в этой комнате совсем недавно находились люди. Куда все ушли? Через большие открытые окна, выходящие в сад, до меня доносится смех. На лугу дети играют в догонялки. Они одеты в белые тоги. Я подхожу к окну и смотрю на них, как вдруг позади меня раздаются голоса. Я поворачиваюсь и вижу мужчину и женщину, заходящих в комнату. Женщина смахивает слезы со своего лица.

— Ты никогда меня не слушаешь, — говорит она, и впервые с тех пор, как мне снятся эти сны, я узнаю хоть кого-то. Это Лилит или девушка, очень похожая на нее. Те же нежные черты лица, такие же рыжие волосы. Но у этой девушки нет крыльев.

— Потому что у меня есть на это право, — отвечает ей высокий и красивый блондин. — Ты моя жена и должна соглашаться со всем, что я говорю. Почему ты всегда подвергаешь сомнению мои приказы? Почему ты занимаешься вещами, которые тебя не касаются? Это мужское дело.

Лилит упирается руками в бока.

— Может, потому, что ты не прав? То, что планирует Михаэль, неправильно. А вы называете это мужским делом.

Это касается всех нас. Леа моя подруга.

— К тебе это не имеет никакого отношения! — кричит он. — Это касается только мужчин, и мы не будем вставать на пути архангелов. Кроме того, я запрещаю тебе встречаться с Леей.

Лилит смеется и скидывает руки вверх. Она хватает яркую подушку и трясет ею в воздухе.

— Ты ничего не можешь мне запретить. Мы многим обязаны Люциферу.

— Ничем мы ему не обязаны, и он не заслужил иного. Он сам определил свою судьбу.

— Это просто бред! — кричит Лилит. — Михаэль просто ревнует, как и Рафаэль. Поэтому они и начали эту охоту на ведьм.

Мужчина подходит к ней поближе.

— Если ты еще хоть раз скажешь что-то подобное, я выкину тебя отсюда, — шипит он на нее. — И ты больше никогда не увидишь наших детей.

На лице Лилит появляется страх.

— Ты не посмеешь этого сделать.

— Не играй с огнем. Ты знаешь, где твое место, — говорит ей мужчина и быстро покидает комнату.

Картина сразу же размывается, и я вдруг стою в огромной темной яме. Вокруг меня огонь, и я слышу крики детей. Крики и мольбы становятся все громче. Мне надо их найти, но я не могу идти. Огонь окружил меня и подбирается все

ближе. Меня охватывает глубокое отчаяние, а по лицу текут слезы.

– Почему? – кричу я снова и снова. – Почему?

Я топчу землю, когда искры рассыпаются у моих ног. От моих волос исходит запах гари.

Я стою в пламени, отступить некуда. Только адская пропасть. Я обхватываю свою голову руками, чтобы защитить лицо, хотя это не имеет смысла. Пламя охватывает мое платье, и я кричу, потому что боль растекается по моей коже, и ее не остановить. Кто-то хватает меня, когда я собираюсь упасть. Он вытягивает меня из огня, и я вижу крылья, сияющие всеми цветами радуги.

– Просыпайся, Мун, – говорит чей-то голос. – Все хорошо. Это просто сон.

Мои руки что-то удерживают, и хотя огонь исчез, я все еще чувствую этот жар. Я бью руками вокруг себя словно сумасшедшая, но остаюсь все там же.

– Прекрати! – кричит на меня кто-то, и только сейчас я понимаю, что не связана. Меня держит Люцифер. Его руки теплые, и они крепко сжали мои запястья. Несмотря на теплоту, я чувствую, как по моей коже бегут мурашки.

На мгновение я замираю и пытаюсь контролировать свое дыхание. В комнате темно, и лишь одна свеча горит на тумбочке.

– Отпусти меня, – выдавливаю я.

– Тебе снился плохой сон, – говорит он еще раз, теперь уже мягко. Люцифер отпускает меня так медленно, словно боится, что я снова начну кричать и биться в истерике.

– Сон, значит, – растерянно повторяю я, потирая свои запястья, на которых все еще чувствуется его тепло. – Это был сон?

Конечно. Но что там делала Лилит и кто тот мужчина? Я начинаю бояться этих снов. Возможно, я просто прочла слишком много легенд и историй: с самого детства ими увлекалась, и теперь жизнь решила меня за это наказать. Я отползаю на другую сторону кровати подальше от Люцифера и натягиваю одеяло до подбородка.

– Ты что здесь делаешь? – спрашиваю я его через мгновение, и этого достаточно, чтобы понять еще одну странность: ангел сидит прямо на моей кровати!

– Я слышал, что ты кричала, – отвечает он. – Все остальные уже давно спят. Не хотел, чтобы ты разбудила всех жителей дворца.

Не очень хорошее объяснение. Я провожу руками по лицу. Кожа влажная от пота, но прикосновение уже не причиняет мне боли. Я трогаю нос, брови и губы.

– Как долго я здесь нахожусь? – спрашиваю я в ужасе, понимая, что некоторые мои раны уже затянулись. Не полностью, но, возможно, мое лицо теперь больше похоже на человеческое.

– Несколько дней, – осторожно говорит он. – Ваш врач,

Пьетро Андреаси, позаботился о тебе. Он был очень взволнован, хотя и пытался не подавать виду. У тебя было переохлаждение, обезвоживание. Кроме того, некоторые из твоих ран воспалились. Молодой человек, который его сопровождал, оказался еще более плохим актером. Он был в отчаянии и не хотел отходить от тебя ни на минуту. – Люцифер поднимается, чтобы подойти к окну. – Вы близки?

Алессио был здесь? Почему я даже не знала об этом? Я бы попросила его спрятать Стар. Надо было сказать ему, что Люцифер знает о ней. Или он поверил мне, когда я сказала ему, что моя сестра мертва? Я не могу спросить его об этом, не вызвав подозрений. Я яростно поджимаю губы и сразу же чувствую острую боль. Эта рана все еще не зажила.

– Я у тебя кое-что спросил, – слышу я Люцифера, стоящего у окна.

– Алессио мой лучший друг, – отвечаю я. Что я могу поделать? – Если бы не он, я бы погибла пару лет назад.

Ужасно скучаю по нему.

– Ты не похожа на девушку, нуждающуюся в мужской поддержке.

– Я и не нуждаюсь в мужской поддержке, – я задумчиво растягиваю фразу, подчеркивая последние два слова. – Но мне нужны друзья. Если ты вообще знаешь, что это такое.

– Извини, – говорит Люцифер, к моему удивлению. – Это слишком личное. Меня это не касается.

Ух ты, это что-то новенькое.

– Можно мне снова лечь спать или у тебя ко мне есть еще какие-то личные вопросы?

Интересно, он не нашел Стар? При мысли об этом у меня кружится голова, и я чувствую, как румянец покидает мое лицо.

Люцифер, судя по всему, сразу же это замечает, потому что вдруг становится обеспокоенным.

– Да, отдыхай, – бормочет он. – Твой друг убьет меня, если узнает, что я мешаю тебе спать. Тебе нужно набраться сил перед испытаниями.

Значит, его беспокойство мне лишь привиделось. Прежде чем я успеваю ответить что-то остроумное, Люцифер развивается и покидает комнату.

Я спала несколько дней. Он уже давно мог найти Стар. Но тогда бы я лежала не в этой кровати, а, скорее всего, на во-нючем сене. Я замечаю на тумбочке стакан и делаю глоток. Пахнет безобидным виноградным соком. Я жадно выпиваю его, а потом откидываю одеяло в сторону, чтобы рассмотреть свои ноги в сумрачном свете свечи. Синяки окрасились в желтый цвет, а рана на ноге обернута повязкой, как и моя грудная клетка. Мне уже почти небольно дышать, но в боку еще что-то тянет. Значит, стражники действительно сломали мне пару ребер. Я держусь за спинку кровати и, качаясь, встаю. Мои мышцы, кажется, атрофировались. Тем не менее я шатаюсь по комнате, надеясь не упасть. У меня не будет сил подняться еще раз. Я опираюсь на кресло, а затем на малень-

кий стол, пробираясь к окну. Я держусь за подоконник, хрипя от боли. Комната, в которой я нахожусь, располагается на верхнем этаже Дворца дождей, на южной стороне. Мой взгляд скользит по воде лагуны. Как бы мне хотелось забраться в лодку и уплыть отсюда! Но со своими травмами я не доберусь даже до первого этажа дворца, что уж говорить о библиотеке, из которой мне нужно забрать брата и сестру. Перед тем как заснуть, я кое-что вспоминаю. Мужчина, который мне снился, судя по всему, Адам. Праотец всех людей. Лилит была его первой женой, и это он изгнал ее из рая. О чем они спорили? Она что-то говорила про Рафаэля и Михаэля. Но, как бы я ни старалась, больше ничего не могу вспомнить.

Глава III

Когда я просыпаюсь, в комнате уже светло. Я слышу чьи-то шаги и грохот посуды. Я поворачиваюсь спиной к двери, притворяясь, что все еще сплю.

– Как она сегодня? – спрашивает знакомый голос, и воспоминания о вчерашней ночи возвращаются в мою голову. Все тело бьет тревогу.

– Лучше, – отвечает Люциферу Пьетро. – Она была в опасности. Повреждения, которые нанесли ей мужчины, это одно, куда опаснее оказалось заражение крови. Но она пережила его. Мун сильнее любой другой девушки.

Люцифер шагает позади меня. Почему он расположил меня в своих покоях, вызвал врача и пытается поставить меня

на ноги? Наверняка этому есть свои причины, и мне это не нравится. Если удастся сбежать, придется в будущем жить в подполье. Мне нужно придумать новый план для побега брата и сестры. Заработанные непосильным трудом деньги потеряны, Нерон украл их. Может быть, удастся уговорить Сильвио хотя бы вывезти их на материк. Оттуда мы сможем отправиться дальше самостоятельно. Это должно сработать. У нас больше нет иного выбора. Теперь, когда Рикардо рассказал Люциферу о том, что у меня есть сестра-близнец, оставаться в городе для нее стало еще опаснее. Даже если на мгновение Люцифер все же поверит, что она умерла.

Он не ждет ответа Пьетро, а выходит из комнаты. Очевидно, архангелы нашли остальных кандидаток на испытания и уже хотят их начать. Отчаяние и безнадежность охватывают меня. Интересно, будет ли в моей жизни хоть один мирный и спокойный день?

Я аккуратно поворачиваюсь и смотрю на улыбающегося Пьетро.

– Ты ужасно напугала нас всех.

На мои глаза наворачиваются слезы, когда я вижу знакомое лицо и слышу его голос.

– Мне очень жаль, – говорю я. Алессио точно рассказал ему о моем провале. Мне стыдно за это перед мужчиной, который берет на себя многое, чтобы помочь другим. Он никогда не был таким эгоистом, как я.

– Тихо, маленькая моя. – Пьетро садится на край кровати

и притягивает меня к себе. Этот непривычно ласковый жест окончательно разрушает стены моего самоконтроля. По щекам текут слезы.

– Вы должны спрятать Стар, – всхлипываю я, пытаюсь собраться. – Люцифер знает, что у меня есть сестра. Один из стражников рассказал ему об этом.

Пьетро гладит меня по спине, держит за плечи и аккуратно отстраняется. Я втягиваю воздух носом.

– Мы держим ситуацию под контролем. Тебе не нужно переживать ни за Стар, ни за Тициана. У них все в порядке.

– Но я не ключ, – отвечаю я ему. – Я не пройду испытания. Если я умру, вам придется позаботиться о них двоих. Пообещай мне это.

Мужчина слегка встряхивает меня, пытаюсь привести в чувство. Затем Пьетро убирает прядь волос с моего лица.

– Мун, – убедительно начинает он, – я тебе сейчас кое-что скажу, и тебе нужно очень внимательно меня выслушать.

Я в панике смотрю на него.

– С ними уже что-то произошло? Или Нерон добрался до Стар?

– Нет. Речь идет не о твоих брате и сестре, а о тебе самой. Твой отец хотел посвятить тебя в эту тайну, но не смог, потому что погиб слишком рано. И даже если бы он не умер, он не стал бы подвергать тебя такому риску. Но сейчас, к сожалению, у нас не остается другого выбора.

– Какая тайна? – спрашиваю я, пытаюсь сконцентриро-

ваться. – Какой риск?

– Я расскажу тебе кое-что о твоей семье и о твоём задании. – Пьетро ненадолго останавливается, словно размышляя о том, с чего начать. Затем он смотрит на дверь, убеждаясь в том, что она закрыта. – Твой отец знал об испытаниях ключей больше, чем казалось, – шепотом объясняет мужчина. – Твои родители никогда не имели единого представления о том, как им распорядиться этим знанием.

Теперь я слушаю особенно внимательно.

– То, о чем я тебе расскажу, должно оставаться тайной, что бы ни произошло. Ты никому не должна рассказывать об этом. Обещаешь? Об этом знаем только ты, Алессио и я.

Я киваю.

– Ты лучший боец Венеции и достаточно сильна для того, чтобы справиться с испытаниями, – говорит он. – Но ты права, ты не ключ.

– Я знаю, – упрямо отвечаю я.

– Не перебивай меня. То, что я говорю, очень важно.

Я смущенно киваю.

– Ангелы ищут не просто девушек, которые достаточно сильны и смелы, чтобы пройти испытания. – Его голос становится еще тише, если это вообще возможно. – Они ищут своих кровных наследниц. Потомков нефилимов. Ты знаешь, кто это такие?

– Конечно. Нефилимы – это дети, зачатые падшими ангелами и их человеческими женами. В писаниях их называют

Сильными. По легенде, это огромные, кровожадные и очень злобные монстры. Их знания – причина всех несчастий этого мира.

– Это официальная версия церкви, – перебивает меня Пьетро. – На самом же деле нефилимы – это дети, которых падшие ангелы спрятали, чтобы остальные архангелы не убили их и не поработили. Только эти дети в состоянии открыть врата в рай, вернее, дети их детей.

– Ты хочешь сказать, – я кратко резюмирую услышанное, – потомки нефилимов – это девушки, которых ищут ангелы? Они и есть ключи?

Пьетро кивает:

– Именно так.

Мои брови вздымаются вверх.

– Но нефилимы жили десять тысяч лет назад. Найти их потомков сегодня, должно быть, почти невозможно.

– Именно для этого и нужны испытания, – говорит он наконец. – Только кровные наследницы могут их пройти.

– Но ведь чисто теоретически каждая девушка может оказаться кровной наследницей, – отвечаю я. – И я в том числе. За эти годы наверняка крови ангелов в их жилах поубавилось, но ее капля может течь и по моим венам. Это значит... – я делаю паузу, – Стар или я вполне могли бы быть ключами.

Осознание этого шокирует меня, потому что Стар оказывается еще в большей опасности, чем когда-либо раньше.

– Но вы не наследницы, – говорит Пьетро. – Это я тебе гарантирую. Кровь твоей семьи никогда не смешивалась с ангельской.

– А ты откуда это знаешь? Никто не может с уверенностью об этом заявлять.

– Не смешивать с ними вашу кровь было главным законом вашей семьи, – Пьетро останавливается, а затем продолжает предложение: – Причина заключается в том, что у твоей семьи с ангелами были особые отношения. Ваши предки служили им в раю. Твои родители не все мне рассказали, только это. Твоя мать была абсолютно уверена в том, что ты пройдешь эти испытания, хотя и не являешься наследницей.

– Нет, – я решительно качаю головой. – Это полная бессмыслица. Ни один человек не может знать о том, кто был его родственником десять тысяч лет назад. Моя мать солгала тебе. Чего бы она этим ни добивалась, это не сработает. Что мой отец говорил по этому поводу?

– Он был настроен скептически, – признается Пьетро. – Ну, ты знаешь его мысли на этот счет. Он всегда стремился к мирному сосуществованию ангелов и людей.

– Это не сработает, но его план был не таким приключенческим, как задумки моей матери.

– Ты все еще зла на нее, – говорит Пьетро, взяв меня за руку. – Я понимаю. Она оставила тебя одну, когда ты так в ней нуждалась. Одну вместе с братом и сестрой и всей этой ответственностью.

– Ты знал об этом? – спрашиваю я. – Значит, она действительно умерла? Как это произошло? – злость и отчаяние закипает во мне. До этого у меня оставалась хоть капля надежды.

– Этого я тебе сказать не могу. Но у нее тоже было свое задание.

– Какое задание может быть важнее, чем забота о собственных детях? – мне так хочется накричать на Пьетро, но я не желаю рисковать и допускать того, чтобы ангелы нас услышали.

– Она ничего другого и не делала, как и твой отец. Он рассказал тебе про ангелов все, что только знал, – продолжает Пьетро, не отвечая на мой вопрос. – А твоя мать научила тебя сражаться, и только по одной причине... – Он снова молчит, прежде чем задумчиво продолжить: – Ты должна не позволить вратам в рай открыться, а Апокалипсису – начаться.

Я громко смеюсь, потому что не понимаю, откуда взялась эта нелепая вера в то, что я способна это сделать. В настоящий момент я даже и с мухой справиться не смогу. Но если бы я и могла, как бы сорвала планы семи архангелов?

– Я знаю, что это звучит невероятно. – Пьетро встает и подходит к окну. – Твой отец научил тебя многому, но о самом важном он умолчал, потому что боялся за тебя. Я не упрекаю его в этом, но настало время и тебе узнать обо всем. – Мужчина поворачивается ко мне: – Генеалогическое

древо твоей семьи восходит к Еноху. Он один из твоих предков.

Я больше не хочу слышать этот бред, но, судя по всему, Пьетро решительно настроен рассказать мне обо всем, что знает.

– Енох был сыном Иареда и потомком Сета. Ты же помнишь об этом?

– Конечно. – Я мысленно проклиная себя за эти знания. – Сет был третьим сыном Адама и Евы. Он родился только тогда, когда Каин убил Авеля. Енох был пятым поколением от Сета.

Пьетро кивает:

– Он был особенно богобоязненным и еще до своей смерти отправился на небеса, став ангелом. Мне так не хотелось требовать от тебя всего этого... – голос Пьетро становится грустным, словно он сейчас совсем не завидует моей судьбе.

– Почему мой отец умолчал об этом? Почему он никогда ничего не говорил?

Пьетро пожимает плечами:

– Он часто ссорился с твоей матерью по этому поводу. Я думаю, он просто хотел дождаться подходящего момента.

– Который так и не наступил.

– Мне очень жаль, Мун, – говорит Пьетро, в этот раз еще более убедительно, чем до этого. – Ангелы уже восемь лет ищут ключи. Пройдет совсем немного времени, и они найдут их все, и тогда наступит день Искупления. Люди будут

стерты с лица земли, а ангелы вернутся в рай. У нас совсем немного возможностей помешать этому. Честно говоря, только одна.

– И что за возможность?

Пьерто наклоняется ближе ко мне.

– Что, если одна из девушек, которых они выберут, не будет ключом? Что, если она достаточно умна и сильна, чтобы пройти испытание, но не в силах сказать священные слова в момент истины?

Эта идея проста и абсурдна.

– Думаешь, все так просто?

– Просто точно не будет, но они ищут девятнадцать иголок в стоге сена. Что может быть проще, чем попытаться засунуть туда меч? Меч, который в решающий момент будет направлен в их сторону.

– Значит, я должна стать этим мечом?

– Именно к этому тебя и готовили твои родители, но твой отец не хотел идти на этот риск. К сожалению, у нас больше нет выбора. Мы должны хотя бы попытаться.

Я смотрю на его родное лицо. Мне кажется, будто я вижу его впервые. Может быть, я еще в катакомбах? Возможно ли, что мои родители отправили меня на верную смерть? Может, это всего лишь галлюцинация?

– А что, если я откажусь участвовать в вашем плане?

– Боюсь, что для этого уже слишком поздно, – я слышу сожаление в голосе Пьерто. – Я так хотел бы, чтобы они вы-

брали тебя до того, как ты получила все эти травмы.

Я поджимаю губы. Мать заставляла меня участвовать в боях и тренироваться лишь для того, чтобы я умерла в самом конце? Я вообще значила для нее хоть что-то?

– Мы позаботимся о Стар и Тициане, – обещает мне Пьетро. – Конечно, ты можешь отказаться, но если ангелы откроют врата в рай, человечеству наступит конец. Смерть тебе, мне и твоим брату и сестре. Где бы ты их ни спрятала. Ты сможешь спасти их только в том случае, если мы помешаем архангелам. Они уже нашли шестнадцать девушек. Уже совсем немного осталось до момента, когда найдут последних.

Три девушки отделяют человечество от уничтожения.

– Прими участие в испытаниях и попытайся выжить. Попытайся стать ключом, – убедительно говорит он. – Тебе ни в коем случае нельзя сбегать отсюда. Иначе ты не спасешь Стар. Пока ты здесь, никто не отправится на ее поиски, – Пьетро разыгрывает еще один козырь из своей колоды.

– Люцифер действительно не приходил в библиотеку? Он не искал Стар?

Может быть, Пьетро врет для того, чтобы успокоить меня? Мужчина качает головой:

– Вероятно, он абсолютно уверен в том, что ты ключ.

В воображении я давно видела Стар, сидящую в темнице. Почему же ангелы запирали свои ценнейшие ключи в подвале? Они хотели таким образом поставить нас на место? Или только у меня была такая сомнительная привилегия?

Как только я восстановлюсь, я исчезну отсюда быстрее, чем Пьетро глазом моргнет. Я заберу брата и сестру, и мы покинем город, даже если мне самостоятельно придется грести на лодке ночью до материка.

Мужчина смотрит на меня с вызовом, словно может читать мои мысли.

– Очень важно, чтобы ты осталась здесь, Мун. Твой побег будет стоить нам жизни. Твое место здесь.

– Это не мое место, а покои Люцифера, – напоминаю я ему. – Он уже не может дожидаться момента, когда мы все попадем к нему в ад.

– Именно этому ты и должна помешать.

Я даже не в состоянии спасти Стар и Тициана, так что все человечество спасти мне точно не по плечу. Но очень мило, что Пьетро считает меня способной на это. Я не задаю дальнейших вопросов и оставляю свои мысли при себе.

– Я скажу Люциферу о том, что в будущем буду присылать к тебе Алессио. У меня есть много других пациентов.

Мужчина по-отцовски мне подмигивает, глядя меня по щеке.

– Не надо себя ни в чем упрекать, Мун. Ты не виновата в том, что побег твоих брата и сестры провалился.

– Я доверилась ангелу, – тихо говорю я, опуская взгляд на ладони. – Я себе никогда этого не прощу.

– Нет ничего плохого в том, чтобы кому-то довериться, – отвечает он. – Плохо поступает тот, кто пользуется чужим

доверием.

Мужчина складывает свои мази и инструменты в сумку.

– Не теряй веру в хорошее. Иначе тебе будет попросту не за что бороться.

– Попытаюсь, – нехотя отвечаю я. Слова могут звучать убедительно и понятно. Но принять этот совет во внимание мне будет сложно, потому что хорошего в нашем мире почти не осталось.

– Мне попросить Алессио принести тебе что-нибудь из дома завтра? – спрашивает Пьетро перед тем, как уйти.

Я пожимаю плечами:

– Мой меч, например?

Пьетро улыбается мне в ответ. Следующие несколько недель я вряд ли увижу хоть какое-то оружие.

Остаток дня я проведу в одиночестве. У меня в распоряжении есть время, чтобы поразмышлять над тем, что рассказал мне Пьетро. Мои предки служили ангелам в раю. Как такое вообще возможно? Мне нужно больше ответов, пока я думаю над его странным планом. Интересно, как много знает Алессио? И кто рассказал ему об этом: мой отец или все же Пьетро? Почему моя мать ничего не рассказала мне, когда у нее была такая возможность? Значит, все эти тренировки были совсем не для того, чтобы я могла защитить Стар?

От размышлений и выводов, к которым я неизбежно прихожу, мне становится холодно, и я залезаю под одеяло, внимательно рассматривая комнату. Светло-желтые обои укра-

шают стены, а перед окнами висят шелковые занавески. В комнату залетает теплый воздух. С другой стороны помещения открыта дверь, ведущая в маленькую ванную, у стен которой располагаются белый шкаф, украшенный искусно вырезанным орнаментом, и подходящий под ансамбль туалетный столик. В самой же комнате стоит несколько кресел, а рядом с кроватью расположена тумбочка, на которой стоят стакан и кувшин со свежей питьевой водой. Если бы это не были покои Люцифера, я бы чувствовала себя принцессой под этим белым шелковым одеялом.

Время от времени две служанки приносят мне еду, которую я съедаю до последней крошки. Я еще никогда в своей жизни не ела таких вкусных блюд. Я пытаюсь разговорить девушек, но они не произносят ни слова. Они либо дали ангелам какой-то обет молчания, либо те вырезали им языки, растерянно думаю я. Эти кающиеся действуют мне на нервы.

Когда вечером они снова приходят в мою комнату с подносом, за ними следует Люцифер. Девушки смотрят друг на друга и перешептываются. Очевидно, их языки все еще на месте.

– Добрый вечер, Мун, – говорит мне ангел. – Как ты себя чувствуешь?

– Я чувствую себя как свинья, которую откармливают перед тем, как отправить на скотобойню.

Сегодня в меня явно больше ничего не влезет.

Его брови вдруг поднимаются.

– Судя по всему, ты отлично отдохнула, по крайней мере, твой длинный язык теперь как новенький. Отличные новости.

Я презрительно фыркаю, но не отвечаю. Что он вообще знает о моем языке?

– Все-таки попробуй это мороженое. – Люцифер садится на край моей кровати и протягивает миску прямо мне под нос. – Вкус просто восхитительный.

Мое внутреннее сопротивление тает при виде светло-желтых сливочных шариков, и я чувствую, как во рту скапливается слюна. Немного мороженого мне не помешает, тем более учитывая, что оно посыпано карамелизованными орешками, а я почти совсем не помню, когда пробовала мороженое в последний раз. Оно было банановым, отец купил мне его за три дня до Вторжения. Я хватаю миску, вонзаю ложку в содержимое и отправляю ее в рот. Мои вкусовые рецепторы взрываются, и я ненадолго закрываю глаза. Когда я снова их открываю, я вижу перед собой веселое лицо Люцифера.

– Неужели слишком расхвалил его?

Я качаю головой:

– Я хотела бы питаться этим до конца своей жизни.

– Это можно устроить.

– Потому что до конца моей жизни осталось немного? – резко выдыхаю я. Почему я вообще разговариваю с ним?

Люцифер смеется:

– Нет. Потому что мне нравится смотреть на тебя, когда

ты наслаждаешься этим мороженым.

Я не знаю, что ответить, и думаю только о том, что не влюблюсь в ангела, который добр ко мне, во второй раз. Достаточно уже и того, что Кассиэль подкупил меня шоколадом и заставил потерять из виду свою цель. Я отправляю следующую ложку мороженого в рот и замечаю, что капля десерта падает на одеяло.

Люцифер машет одной из служанок.

– Поменяйте постельное белье, – командует он им, пока я смущенно вытираю пятно.

– В этом нет необходимости, – говорю я. – Я и сама могу это сделать.

– Ты мой гость, Мун де Анджелис, а мои гости не работают.

– А еще гостей обычно не запирают в комнате, – отвечаю я. – Но, вероятно, у вас на небесах несколько иные представления о гостеприимстве.

Интересно, он знал моих предков? Это странная мысль.

– Ты чувствуешь себя запертой? – его тон кажется удивленным. – Это не было моим намерением. Когда тебе снова станет лучше, ты сможешь свободно передвигаться по моим покоям, как я тебе и говорил. Я лишь запретил тебе бродить по дворцу без сопровождения. Потому что никогда не знаешь, кого можно встретить на пути. Это все для твоего же блага.

Но ведь это всего лишь предупреждение, а не прямой за-

прет, не так ли?

– Но мне нельзя домой.

– Верно, – подтверждает Люцифер, вставая с места и оставляя меня наедине с вопросом, почему он вообще ко мне пришел. Я никогда в жизни не поверю в то, что архангел просто хотел принести мороженое.

На следующее утро Алессио навещает меня, когда я завтракаю. Увидев, что я сижу на кровати, он с облегчением улыбается. Если бы у меня на коленях не стоял поднос с чашечкой еды, я бы вскочила с места и кинулась к нему в объятия. Юноша берет мое лицо в свои ладони, внимательно смотрит на меня и целует в щеку.

– Если ты еще хоть раз в жизни меня так напугаешь, я за себя не ручаюсь. – Он опускает свою сумку на пол и подтаскивает кресло поближе к себе.

– Когда они позвали нас, чтобы осмотреть тебя, я уже думал, что ты умерла, – Алессио тяжело сглатывает. – То, что они сделали с тобой, просто ужасно.

– Это были стражники из темницы, – говорю я. – Не ангелы.

Почему я вообще решила защищать их?

– Мужчины хотели изнасиловать меня, а затем, вероятно, убить.

Я смогла убежать в катакомбы и потерялась там. Судя по всему, я исчезла на два дня. Каким-то образом я нашла вход в кабинет Люцифера.

Алессио внимательно слушает мои объяснения, хотя наверняка уже давно все знает.

– Люцифер не отправил тебя обратно в темницу, – говорит он после. – Я думаю, уже и не отправит. Нам дали все, в чем мы нуждались, чтобы обеспечить тебе достойное лечение.

Я пожимаю плечами:

– Мне кажется неправильным оставаться здесь. Все эти излишества... – мой взгляд скользит по комнате. – Ты голоден?

Сначала он кивает, но когда я протягиваю кусок дыни с ветчиной прямо ему под нос, Алессио замирает. Я знаю, что происходит у него в голове сейчас. Юноша думает о своих пациентах, обо всех тех людях, у которых нет и куска хлеба и которые вынуждены рыться в городских отходах в поисках хоть чего-то съестного. Вздыхая, Алессио берет из моих рук кусок дыни и ест его, очевидно, в муках совести. Тяготы последних дней не прошли для него бесследно: наверняка юноше есть чем заняться, ведь теперь я не могу ему помогать. Алессио выглядит бледным и уставшим.

– Как дела у Стар и Тициана?

– Они очень переживали, когда мы еще не знали, что с тобой произошло. Я думал, Стар с ума сойдет. Не знаю, что бы я делал без Феникса.

Его слова оставляют огромную дыру в моем сердце. Судя по всему, моя сестра ужасно испугалась. Она и так с трудом

пережила потерю матери и отца. Стар уже наверняка подумала, что и я оставила ее.

– Он утешил ее, успокоил и отвлек. Но лучше стало только тогда, когда Фели пришла к нам и пообещала, что проведает тебя.

– Она так и сделала, – говорю я, пытаюсь не думать о том, что дочь моего кровного врага знает о том, что Стар все еще жива. После всего, чем Фели рискнула ради меня, она полностью заслужила мое доверие, но от многолетней привычки думать о ней плохо сложно избавиться.

– Если бы не она, я бы не выжила. Фели принесла мне лекарства Пьетро и еду. Я ожидала увидеть кого угодно, только не ее. Почему она это сделала?

– Раньше ты была ее лучшей подругой, – улыбается Алессио. – Она пошла наперекор своему отцу. Удивительно, как сильно можно ошибаться в людях.

– Или в ангелах, – отвечаю я. – Мне очень жаль. Стоило послушать тебя тогда. Я должна была быть осторожнее. Не знаю, что на меня нашло, когда я решила довериться Кассиэлю.

Алессио убирает поднос с моих колен и ставит его на пол. Затем он мягко заключает меня в свои объятия. Мне становится так хорошо, что хочется плакать.

– Не надо упрекать себя в этом, – тихо говорит юноша. – Кассиэль ангел, и он отлично знал, что делает. Он держал тебя на прицеле. Разумеется, ты доверилась ему.

Я прижимаюсь к Алесслио и ничего не отвечаю. Грубый локоть его рубашки царапает мою кожу, но мне плевать. Его объятия успокаивают после того, что я пережила за последние недели, хотя от слов Алесслио мне не легче, ведь они свидетельствуют о том, что любой ангел может обвести меня вокруг пальца. Интересно, это у меня нет воли или я просто недооценивала их способность влиять на людей? Я всегда считала себя достаточно умной и сообразительной. Думала, что могу даже в некоторой степени контролировать нашу жизнь. Но Кассиэль научил меня кое-чему новому. Возможно, я зла на него не только потому, что он разбил мне сердце, но и потому, что ангел продемонстрировал мне мои же недостатки.

– Нам нужно извлечь выгоду из этой ситуации. Ты должна сконцентрироваться на своем задании, а мы позаботимся о Стар и Тициане.

Я отрываюсь от него.

– Ты знаешь план Пьетро? Ты знал все о моей семье и об этой сумасшедшей идее сделать меня ключом?

Он качает головой, и я чувствую облегчение.

– Я знаю, что Пьетро и твои родители обсуждали различные сценарии того, как можно остановить ангелов. Ни один из них не был достаточно продуманным. После смерти твоего отца Пьетро не упоминал ни один из них. Точно не в разговоре со мной. Кем на самом деле является твоя семья, я знаю всего лишь несколько дней. Тебе нужно быть очень

осторожной.

Я хмурюсь.

– Думаешь, после смерти отца он обсуждал это с моей матерью?

Алессио переходит на шепот:

– Этого я не знаю. Я впервые узнал об этом, когда Люцифер позвал Пьетро сюда. Он вбил себе в голову, что сможет остановить открытие врат рая. На мой взгляд, это похоже на манию величия.

Я прикусываю губу.

– На самом деле Пьетро прав, не так ли? Не хватает всего трех девушек, а потом мы все умрем. Неужели мы не можем хотя бы попытаться остановить это?

Алессио зарывается лицом в ладони, и я глажу его по спине.

До этих пор я думала, что он просто боготворит Пьетро. То, что он не придерживается одного с ним мнения, это что-то новенькое.

– Мне кажется, совсем не пытаться сражаться – это неправильно.

Он с измученным видом качает головой:

– Я знал, что ты так отреагируешь на это, когда он расскажет тебе обо всем. Ну хорошо. Что бы ты ни делала, я поддержу тебя в этом. Но ты должна пообещать мне сконцентрироваться на своем выздоровлении сейчас. Иначе тебе придется забыть об испытаниях.

Я киваю.

– Ты что-то помнишь о том, как они проходят?

– Пока ты была без сознания, я привел сюда Пьетро и пообщался с парой ангелов.

Я поднимаю брови:

– Ты их допросил?

– Я бы не называл это так. На удивление мне не пришлось их тщательно расспрашивать. Наама и Лилит добровольно рассказали мне много интересного.

– Наама? Тупая корова, которая обжималась с Кассиэлем и чуть меня не убила?

– Именно она. Она живет при дворе Люцифера и на самом деле очень мила, – уши Алессио краснеют.

– Ты ведь не позволяешь ей вить из тебя веревки? Тебе не обязательно повторять мои ошибки.

– Я этого и не делаю. Так ты хочешь узнать, что я выяснил об испытаниях, или нет?

– Разумеется, – если я вдруг увижу эту Нааму, скажу ей, чтобы держалась подальше от Алессио.

– На каждом этапе им нужно найти семь девушек. Ты знала это?

– Семьяса рассказал об этом, когда запирали меня в темнице. Семь – это число с мистическим значением. Господь создал семь небесных дворов, семь морей, семь пустынь. В неделю семь дней, а вокруг трона Господнего горят семь факелов, – объясняю я. – Они их нашли?

Алессио хватает следующий кусок дыни и медленно жует, прежде чем ответить мне.

– Думаю, да. Фелиция вызвалась добровольцем, и ангелы приняли ее кандидатуру.

Я недоверчиво качаю головой:

– Почему? Я же уже предупреждала ее о том, что это слишком опасно.

– Она настояла, потому что не хотела оставлять тебя одну. Я не смог отговорить ее.

– Ты думаешь, она знает о плане Пьетро? – Что еще этот врач провернул у меня за спиной? – Если Фели умрет, я этого себе никогда не прощу.

– Не все девушки умирают во время испытаний, – говорит Алессио. – А те, кто выживает, но не является ключами, возвращаются к своим семьям.

– Seriously? – этого я не знала. Значит, я могу просто проиграть и наконец вернуться в спокойную обстановку? По крайней мере, до того, как мир будет уничтожен.

– Ее отец – председатель совета. У Фели есть все, о чем мы только можем мечтать. Почему тогда она подвергает себя опасности?

Алессио улыбается:

– Это тебе должно быть известно лучше, чем мне. Она хочет помочь тебе.

– Видимо, у меня больше не осталось права голоса в данной ситуации. Судя по всему, меня на испытание понесут на

руках.

Алессио ухмыляется:

– Все не так плохо. Семьяса будет тренироваться с тобой, чтобы ты поскорее вернулась в форму. Ты наконец прекратишь валяться в кровати. Думаю, через неделю ты сможешь начать тренировки.

Я тяжело сглатываю. Кажется, мышцы моих ног атрофировались. Каждый раз, когда я поднимаюсь с кровати, у меня кружится голова.

– Но если победить может только одна кровная наследница, а среди других шести девушек окажется потомок нефилимов, то выиграет она, – обращаю я его внимание на очевидную дыру в плане.

– Ты права, но на некоторых испытаниях не победил никто. Они не всегда находят кровных наследниц. Пьетро надеется на то, что ты сможешь обмануть ангелов, – Алессио в отчаянии пожимает плечами. – Нам нужно хвататься за любую возможность. В это мгновение они, возможно, находят последних трех девушек. У нас заканчивается время, и в данный момент у нас есть только одна-единственная возможность.

– Как проходят эти испытания? – Все, что я о них знаю, основано на слухах. В прошлом году испытания всегда проходили по воскресеньям, и в те дни людям запрещалось выходить на улицы. Разумеется, всегда находилось несколько смельчаков, которые не следовали этим правилам и хваста-

лись тем, что знают об испытаниях.

– Они никогда не бывают одинаковыми, – рассказывает Алессио. – Архангелы всегда придумывают что-нибудь новое. Правильнее сказать, тайные ангелы делают свои предложения, а затем все голосуют. Все зависит от того, какой именно ключ они надеются найти. – Алессио кладет свою руку на мою. – Это будет непросто, – говорит он. – Я бы с радостью сделал это за тебя.

Я улыбаюсь, услышав подобное предложение. Даже в таком ослабленном состоянии я все равно сражаюсь лучше, чем идеально здоровый Алессио.

– Я справлюсь с этим, – пытаюсь я его успокоить, хотя сама не верю сказанному. Слово «паника» как нельзя лучше характеризует мое состояние. Я представляю себе, как сотни тайных ангелов на небесах размышляют о том, как наиболее эффективно нас пытаться.

Дверь открывается, и на пороге стоит Люцифер. Он рассматривает нас, а затем входит в комнату.

– Ты слышал что-нибудь о том, что надо стучаться перед тем, как войти? – дерзко спрашиваю я. Ему вообще знакомо словосочетание «личное пространство»?

– Я не планировал заставить вас в компрометирующей ситуации.

– Алессио пришел сюда, чтобы осмотреть мои раны. Я могла быть голой.

– Вряд ли я увижу что-то, чего раньше не видел.

Да, вполне могу его понять. Алессио качает головой, что, видимо, значит, что мне не стоит продолжать провоцировать Люцифера. Он откидывает одеяло и начинает снимать повязку с моей ноги.

– Заражение крови было очень сильным, когда мы осматривали тебя впервые, – говорит он. – Еще день, и нам пришлось бы ампутировать ногу. Пьетро сразу хотел это сделать, но он был против, – голова Алессио резко поворачивается в сторону Люцифера.

При мысли о том, что я могла стать инвалидом в этом мире, я чувствую тошноту. Так бы у меня не осталось ни единого шанса выжить.

– Не благодари меня за это, – прохладно отвечает Люцифер. – Одноногая ты не принесла бы нам никакой пользы.

– Разумеется, нет. – Я ненавижу его, ненавижу его, ненавижу его. Он должен исчезнуть, прежде чем я осыплю его оскорблениями.

– У тебя что, дел других нет, кроме как ошиваться в моей комнате? Лучше бы занимался выдумыванием адских пыток для неудобных людей или типа того.

Люцифер пожимает плечами:

– Я мог бы заняться этим, но с тобой намного веселее. Я и секунды без тебя не проживу. Кто знает, сколько секунд тебе еще осталось. Не хочу упустить ни одной.

Его цинизм лишает меня дара речи, но, по крайней мере, архангел не пытается меня обмануть. Я сосредоточена на

лечении. Нога все еще опухшая, а под корочкой, образовавшейся на ране, виднеется гной.

– Нужно все-таки разрезать ее, – говорит Алессио. – Будет больно.

Я сжимаю губы, стискивая одеяло в руке, когда он достает скальпель.

– Все в порядке, – выдавливаю я.

Когда он начинает, Люцифер садится рядом и хватается меня за руку. Я хочу оттолкнуть его, но когда Алессио режет рану, меня поражает адская боль. Я так крепко сжимаю пальцы Люцифера, что ему, должно быть, становится больно, но он не возражает. Мое дыхание ускоряется, хотя может показаться, что я уже привыкла к боли.

– Прислонись ко мне, – тихо требует Люцифер. – Ты напрягаешься, и это только ухудшает ситуацию. Попробай расслабиться, пожалуйста.

Я, стиснув зубы, качаю головой. Лучше я упаду в обморок.

Он вздыхает и начинает рисовать маленькие круги на тыльной стороне моей ладони своим большим пальцем. Он усиливает давление и делает что-то кончиками пальцев. Я с облегчением выдыхаю, когда боль отступает.

Алессио тоже замечает это, поэтому обращает свой взгляд то на меня, то на Люцифера. Никто из нас ничего не говорит, но Люцифер продолжает массировать мои пальцы. Он заканчивает только тогда, когда Алессио снова перевязывает мою ногу и посылает служанок за чаем из ивовой коры.

Я чувствую сонливость, и сумасшедший голос в моей голове желает, чтобы Люцифер продолжил ко мне прикасаться. Но он встает и аккуратно укладывает меня обратно на подушки.

– Время от времени принимать чужую помощь может быть полезно, – бормочет он так тихо, что я не уверена, правильно ли я поняла его слова.

– Он совсем не такой, как я думал, – медленно говорит Алессио спустя какое-то время. – В этих покоях все по-другому. Люцифер очень переживал за тебя, когда ты была без сознания.

– Ну конечно, – шепчу я ему в ответ. – Он же не хочет потерять свой ценный ключ. Это не имеет никакого отношения ко мне.

Мой друг не отвечает ничего на это.

– Как твои ребра? Ты в состоянии нормально дышать? Мы не слишком сильно перевязали твою грудную клетку.

– Мне все еще немного больно во время движения, но я в силах справиться с этим.

– Завтра осмотрю их тоже. Сегодня ты достаточно настрадалась. – Он убирает оборудование и грязные бинты.

– Я переживу. Скажи мне лучше, где вы держите Стар и Тициана. Рикардо рассказал Люциферу о ней.

– Да, а ты сказала ему, что она мертва, – отвечает Алессио. – И я подтвердил это. Он был удовлетворен этим ответом.

– Мне это кажется странным. Вы спрятали ее где-нибудь?

– Нет. Она все еще в библиотеке, – признается мне Алессио спустя секунду молчания.

– Что, прости? – набрасываюсь я на юношу, опираясь на предплечья. Мой голос звучит очень пронзительно. – Ей нужно уйти прочь оттуда. Там больше небезопасно. Вдруг кто-нибудь еще вспомнит о ее существовании?

Алессио начинает извиваться.

– Ей было непросто смириться с тем, что ангелы увели тебя и посадили в темницу. Она словно обезумела и рыдала целыми днями.

Разумеется. Каждое неожиданное изменение – это целая драма для нее. При этом не играет никакой роли то, что мы и так разлучились бы, если бы побег удался. Я готовила ее к этому месяцами.

– Единственный, кто мог успокоить ее и время от времени уговорить поесть, был Феникс. Тициан чуть с ума не сошел от переживаний. Мы не могли увести их куда-то из дома, кроме того, ничего не произошло.

– Это все из-за Феникса, не так ли? Он запретил это, и вы его послушали.

– Не раздражайся, Мун, – просит Алессио. – Все хорошо. У Стар все в порядке. Без Феникса я и не знал бы, как решить эту проблему. Он не отходит от нее ни на шаг и обеспечивает нас продуктами.

– Значит, он наконец получил то, что хотел, – слезы ярости текут у меня из глаз, и Алессио смахивает их с моих щек.

– Он ее любит, – шепчет юноша. – И ты знаешь это. В Венеции нет ни одного мужчины, которому можно доверять. Стар настолько безоговорочно, как ему. Он скорее сам себя убьет, чем позволит, чтобы с ней что-то случилось.

– И что, весь сопровождающий его сброд теперь тоже живет в нашей квартире? – раздражительно спрашиваю я. – Они уже рассказали Тициану истории своих героических поступков?

– Феникс не позволяет другим жить в библиотеке. Если он хочет обсудить с ними что-то, они пересекаются в городе. Все в порядке. Стар счастлива, хотя и скучает по тебе.

– Я тоже по ней скучаю. Скажешь ей об этом?

– Конечно. Но я уверен, она и так это знает.

В дверь стучится одна из служанок, а затем девушка заходит в комнату с чаем. Она улыбается Алессио, и он ухмыляется ей в ответ.

– Спасибо, Антония, – говорит юноша, когда девушка ставит чай на стол рядом с моей кроватью. Судя по всему, с ним она разговаривала.

Он в последний раз внимательно меня осматривает, а затем кладет ладонь мне на лоб.

– У тебя больше нет температуры, – довольно заявляет он. – Надеюсь, нам больше не придется повторять процедуру с твоей ногой. Пока ты была в коме, ты почти не чувствовала боли, но Люцифер проворачивал эти штуки с твоей рукой уже тогда.

Моя нога пульсирует и дрожит. Я не знаю, как смогу наступать на нее и сражаться.

– Боль уже почти исчезла. Как такое возможно?

– Я не знаю. Вероятно, у ангелов есть больше сверхъестественных способностей, чем мы предполагали раньше.

Дверь снова открывается, на пороге стоит Наама. Я с трудом подавляю в себе желание закатить глаза. Но она все равно не обращает на меня внимания.

– Привет, Алессио, – здоровается она с моим другом, который встает и немного наклоняет голову набок. – Не знала, что ты сегодня придешь к нам, – на ней темные кожаные брюки и белая рубашка. На бедре закреплена шпага.

– С сегодняшнего дня лечением Мун руковожу я, – говорит он. – Пьетро нужно заботиться о других пациентах, кроме того, опасность миновала.

– Хочешь попить кофе со мной и Лилит? Мы попросили принести печенье.

Алессио повернулся ко мне спиной, и я не вижу выражения его лица. Но Наама улыбается, когда он кивает.

Наама, которую я знаю, – фальшивка и змея, которая хотела убить меня на арене. И мой лучший друг никак не может пить с ней кофе!

Но Алессио поворачивается ко мне и целует в лоб.

– Пей чай и отдыхай, – говорит он мне. – Ты нужна нам.

Затем он покидает комнату вместе с Наамой, и даже сквозь закрытую дверь я слышу ее похожий на звон коло-

кольчиков смех. Мне совсем не нравится происходящее. Но со стороны Алессио умно занять такую позицию в отношении ангелов. Любая информация, которую Наама может раскрыть ему во время их посиделок за чашкой кофе, может быть важна для нас.

Следующие три дня я не вижу Люцифера. С одной стороны, я рада этому, а с другой – переживаю. Все равно, что говорит Алессио, я все равно боюсь того, что Люцифер ищет мою сестру, пока я лежу на этой кровати и размышляю о своих родителях. Если быть точнее, о том, какой груз они возложили на мои плечи. В моих жутких фантазиях я вижу, как Люцифер находит Стар и запирает ее в темнице. Она не проживет там и секунды. Алессио хоть и успокаивает меня каждый раз, когда приходит меня навестить, но у него совсем ненадолго получается развеять мои сомнения.

Чтобы отвлечь меня, сегодня он прописал мне небольшую разминку. Поэтому сейчас я хромаю, опершись на его руку, по коридору. Я впервые покидаю свою комнату. Каждый шаг причиняет мне боль, но в целом я чувствую себя лучше. Мы заходим в большой салон, и пара ангелов, сидящих там, поворачиваются в нашу сторону. Я отшатываюсь назад и хочу вернуться обратно в комнату, но Алессио крепко держит меня.

Семьяса дружески хлопает его по спине.

– Ты наконец вылечил ее? Хорошо выглядишь, Мун.

– Это не столько моя заслуга, сколько заслуга вашей хо-

рошей еды, – отвечает Алессио. Если бы эту фразу сказал другой человек, я бы даже сочла это упреком. Ведь у ангелов в избытке есть то, что они скрывают от нас. Но от Алессио это звучит абсолютно нормально.

– Садись к нам, – требует Наама, но юноша качает головой.

– Сначала Мун должна немного прогуляться.

– Я могу побыть ее опорой, – добродушно говорит Семьяса. – Красивых женщин нельзя заставлять ждать.

Алессио ухмыляется и смущенно поправляет очки. Ангел подмигивает мне так, словно мы с ним добрые союзники. Но это совсем не про нас. Меня сбивает с толку то, что они так фамильярничают друг с другом.

– Ты не против этого? – спрашивает Алессио.

– Разумеется, нет, – нерешительно отвечаю я, и мой друг кладет мою ладонь в руку Семьясы, а затем направляется к Нааме.

Я медленно прогуливаюсь по комнате. К моему удивлению, огромный ангел оказывается очень терпеливым, несмотря на то, что я передвигаюсь со скоростью улитки. К тому же я не спускаю глаз с Наамы и Алессио. Она кладет пару сладостей на тарелку и наливает кофе для Алессио. Ангелы совсем не стыдятся этого или их просто не интересует факт того, что дети на улицах голодают?

– Мне это не нравится, – тихо бормочу я, но Сэм все равно все слышит.

Его тело дрожит от смеха.

– Ревнуешь?

– Ну, нет. Просто осторожничаю. Она фальшивая змеюка.

– Как скажешь. Насколько хорошо ты ее знаешь?

– Достаточно хорошо.

Почему я вообще с ним разговариваю? Это же он запер меня в темнице. Я сердито пытаюсь выдернуть свою ладонь из его руки, но он крепко ее держит.

– Мне жаль, что все так случилось, – говорит Семьяса, к моему удивлению. – Нам нельзя было этого допускать.

– Ты же видел, как там все выглядело, что, думаешь, они пытались со мной сделать?

Пусть засунет свои извинения куда подальше.

Он вздыхает, и мы молча идем дальше. Балам смотрит на нас из окна, и я наконец расслабляюсь после пары пройденных кругов. Хотя я в состоянии только хромать, движения приносят мне радость. Я внимательно оглядываюсь. Стены покрыты шелковыми обоями, а потолок украшен огромными картинами, написанными еще до Вторжения. Я узнаю эти батальные сцены и пейзажи. Орнаменты из лепнины дополняют великолепие. Мы находимся на втором этаже дворца. Все здесь такое открытое и воздушное. К нам постоянно заходят ангелы, вероятно принадлежащие к пятому небесному двору. Они не утруждают себя использованием дверей и просто приземляются на балконы, а затем заходят в салон через высокие арочные окна. Они болтают друг с другом и

смеются, пробуя блюда, стоящие на столах. Некоторые приносят с собой пергаментные листы и передают их Баламу. Очевидно, он ждал этих посыльных, потому что ангел сразу же покидает салон. Интересно, ангел пошел передавать сообщения Люциферу? Я не осмеливаюсь спрашивать об этом у Сэма, но мне важно знать, как здесь идут дела. Всегда ли дверь охраняется двумя стражниками, как когда я впервые оказалась в покоях Люцифера? Если нет, я могла бы прогуляться по дворцу ночью. В отличие от ангелов я не боюсь темноты. Я могла бы поискать возможные пути побега. Вот два ангела заходят во входную дверь. Они направляются к Алессио и Нааме и здороваются с ними. Непринужденность Алессио раздражает меня еще больше. Неужели это действительно какая-то уловка? Он не очень хорошо умеет лгать, да и актер из него тоже посредственный. Но юноша всегда был тем из нас, кто говорил, что люди должны стараться мирно сосуществовать с ангелами. Он хочет доказать мне, что это возможно, или же все-таки пытается помочь?

Семьяса наконец ведет меня к диванам, и я, обессилив, падаю на них.

– Я бы с радостью погулял с тобой еще, но мне пора идти патрулировать город. Амудиэль, Хананэль, – зовет он ангелов, которые пришли последними. – Наша очередь.

Эти двое только начали есть.

– Сейчас пойдем, – говорит Амудиэль, продолжая жевать. Этот ангел высокий и худой. В отличие от других на нем

не надета рубашка, и я вижу знак Люцифера, перевернутую пентаграмму, на его безупречной груди.

– Вам необязательно набивать животы всякий раз, когда вы спускаетесь сюда. Так сторонним наблюдателям может показаться, что в пятом небесном дворе нечего есть.

Амудиэль подмигивает мне.

– Из-за длительных полетов хочется есть, – объясняет он. – Я совсем не понимаю, почему ты постоянно приказываешь нам спускаться к вам. Нам и наверху дел хватает, убираемся мы там достаточно.

Я прислушиваюсь к каждому слову и пытаюсь понять их смысл. Почему и где ангелы должны убираться?

– Важно показывать свое присутствие в городе, – терпеливо отвечает Сэм. – Вы и сами знаете это не хуже меня. Мы не можем вечно прятаться в нашем дворце, как бы мне самому этого иногда ни хотелось.

Амудиэль и Хананэль отодвигают тарелки в сторону и следуют к балкону за Сэмом. Они легко запрыгивают на перила и отталкиваются. Через пару секунд их зеленые и бирюзовые крылья расправляются, и ангелы улетаю прочь.

– Что он имеет в виду, говоря «показывать присутствие»? – Я не могу не задать этот вопрос. Специально смотрю на Алессио, потому что мне кажется, что он уже достаточно хорошо знаком с тем, что происходит при дворе Люцифера, но отвечает мне Наама.

– Габриэль и Рафаэль не должны думать, что мы позво-

лим им делать все, что заблагорассудится. Если бы Люцифер не вмешался, они бы и сегодня убивали людей. Просто ради удовольствия.

Я тяжело сглатываю, потому что вижу образы в своей голове. Вижу носилки, на которых мужчины принесли домой моего мертвого отца.

– Почему он помешал им это делать? – спрашиваю я. – Как это его касается?

Наама смотрит на меня так, словно сомневается в моем рассудке.

– Мы не мясники, – сердито объясняет она.

– Да ладно? – Она издевается, что ли?

Я встаю на ноги и хромаю в сторону балкона, несмотря на то что моя нога просто адски болит. К сожалению, отсюда не видно новой арены, но, как мне кажется, я слышу лязг мечей.

– А что ты тогда думаешь о битвах? – нападаю я на нее.

Алессио успокаивающе кладет свою ладонь на ее руку, что злит меня еще больше. Почему это он не на моей стороне?

– Люцифер не может помешать *всем* их планам, – отвечает Наама. – Но благодаря битвам, по крайней мере, закончились бессмысленные убийства на улицах.

– Значит, это была его идея? – растерянно спрашиваю я. – Может, нам еще поблагодарить его за это?

– Было бы в любом случае неплохо, если бы ты закрыла свой наглый рот, – предлагает она.

Должно быть, я ослышалась.

– У меня есть дела поважнее, чем спорить с маленькой девочкой, – говорит Наама и встает с места, пока я не двигаюсь с места, лишенная дара речи. – Мы увидимся завтра?

Когда Алессио кивает, она уходит прочь, не удостоив меня взглядом.

Внезапно мы с Алессио остаемся наедине.

– Я отведу тебя обратно в твою комнату, – говорит юноша. – Это было несправедливо с твоей стороны.

– Ты решил нанести еще один удар мне в спину? – шиплю я в ответ. – Она тебе совсем голову вскружила?

– Ничего она мне не вскружила, – оправдывается Алессио. – Но я много времени провел здесь, пока ты болела, и думаю, что все обстоит не так, как тебе кажется.

– Конечно, она очень милая, белая и пушистая дамочка, которая вовсе не планирует превратить твою жизнь в ад.

Когда Алессио улыбается, мне тоже приходится ухмыляться. С ним нельзя просто так поссориться. Он поддерживает меня, и мы медленно возвращаемся в комнату.

– Обстановка при дворе Люцифера неформальная, – поясняет он. – Можно даже сказать, что он демократ. Я ни разу не видел, чтобы архангел приказывал что-то своим людям, не спросив их мнения. Он намного менее деспотичен, чем я думал. Его приближенные ни разу не давали ни мне, ни Пьетро понять, что мы с ними не на равных.

– Может быть, и так, – признаю я, потому что единственное, в чем я могу обвинить Люцифера – это то, что он запер

меня в своих покоях и командует мной, но я ведь тоже человек. В остальном он не раз помогал мне избежать неприятностей.

– Но Люцифер и другие ангелы все равно следуют своей цели, сколько бы пирогов тебе ни скормила Наама.

– Ты действительно наглая, – качая головой, говорит Алессио. – Интересно, что именно ты пытаешься забросать меня камнями, хотя твой собственный стеклянный замок уже сломан... – напоминает он мне о катастрофе с Кассиэлем.

– Извини, – бормочу я, ложась на кровать. – Ты прав. Я исправлюсь.

– Дай ей шанс. Вероятно, Наама может быть нам полезной.

– Она тебе нравится.

– Они с Лилит помогали мне, пока ты была без сознания. Они мыли тебя и наносили мази, вливали в тебя бульон и сидели у твоей кровати. Тебе стоило бы, по крайней мере, быть им благодарной.

Этого я не знала. Внезапно я чувствую укол совести. Алессио, как и я, пытается усидеть на двух стульях, и я не облегчаю ему задачу, хотя он так старается.

– Я постараюсь.

Он ухмыляется и гладит меня по руке.

– Вот увидишь, она очень милая.

Я наигранно закатываю глаза.

– Конечно, она настоящий филантроп.

Алессио смеется:

– Мне нужно поскорее возвращаться в больницу. Я постараюсь навестить тебя завтра.

– Это все из-за меня или из-за нее? – кричу я ему вслед.

– Ты просто чудовище.

Круговые прогулки по большому салону стали долгожданным изменением в моем однообразном распорядке дня. Там ведь постоянно находятся разные ангелы, и я пытаюсь собрать столько информации, сколько возможно. Чаще всего они ожидают приказов Люцифера или своего патруля. Некоторые, правда, возвращаются после битв на арене, и я всякий раз вздрагиваю при виде крови на их голой груди или рубашках. Я никогда не спрашиваю о том, убили ли они человека.

Приближенные Люцифера не игнорируют меня, а машут мне в знак приветствия или же дают советы по поводу того, как мне скорейшим образом выздороветь. Советы от существ, которые в своем мире никогда не болеют, обычно либо совершенно заурядные, либо смешные. Меня удивляет то, что они вообще общаются с нами. Алессио реагирует на каждый их комментарий: он либо рассказывает, почему тот или иной совет не будет работать, либо обещает испытать его в деле. Видеть, как он беспечно болтает с ангелами, мне все так же удивительно. Уже через два дня у меня перестает кружиться голова, а рана на моей ноге наконец заживает благодаря покою, хорошей еде и лечению Алессио.

Вечер только наступил, и я решаю не ждать Алессио, а

сразу пойти в салон. Сегодня несколько ангелов бездельничают на белых кожаных диванах, угощаясь печеньем и вином. Они играют во что-то вроде шарад, и наблюдать за тем, как они пытаются угадать слово, которое не существовало в их лексиконе до Вторжения, кажется мне забавным. Ну, какой ангел, который раньше жил только на небе, может знать, что такое лягушка? Лилит побеждает с большим отрывом, но она ведь не всегда была ангелом. Несмотря на то что у нее есть крылья, я не знаю, кто она сейчас. По традиции ее называют демоном. Но демонов я себе представляла уродливыми и злобными, а она совсем не такая.

Я беру яблоко, когда Алессио заходит в комнату. Прежде чем он успевает ко мне подойти, его останавливает Наама. Она игнорирует меня с тех пор, как мы с ней поссорились.

– Как твой день? – спрашивает она юношу. – Было много дел?

– В Каннареджо произошла вспышка той же лихорадки, что и два дня назад в Дорсодуро, – рассказывает он ей. – Она заразна, и я уж думал, что не смогу прийти сегодня.

Я подхожу ближе к ним.

– Вам нужна какая-нибудь помощь? – спрашивает Наама, к моему удивлению. – Может, Люциферу поговорить с Нероном?

Второй вопрос смущает меня еще больше, чем первый.

– Это очень мило с твоей стороны, но мы справимся. Дети, которых затронула волна лихорадки, уже изолированы.

Наама кивает, но выглядит расстроенной.

Алессио гладит ее по руке. Юноша на голову выше ее и улыбается, глядя на ангела.

– Если ситуация ухудшится, я скажу тебе об этом, но Пьетро не хочет быть в долгу у Нерона.

– Я понимаю, – теперь она, кажется, успокоилась. – Я все равно провожу тебя. – Она возвращается к Лилит и Сэму, который только что вошел и теперь раскладывает на столе большой лист бумаги.

– Это планы по перестройке дворца Люцифера в пятом небесном дворе, – объясняет мне Алессио так, словно то, что он об этом знает, – самая очевидная вещь на свете. – Посмотрим?

– Если тебе это интересно.

Я все еще думаю о том, почему он рассказал Нааме о своей работе и лихорадке, а мне – нет. Как часто она сопровождает его в город после того, как Алессио стал навещать меня? Ему больше не нужно поддерживать меня при ходьбе, поэтому я просто хромаю рядом.

– Почему ты не рассказал мне о лихорадке? Она заразна? Тициан в опасности? Скажи ему, чтобы оставался в районе Сан-Марко, остальные части города слишком опасны. Сам ты хоть как-то защищаешься от этого?

Врачи ведь не имеют особого иммунитета против болезней, которые лечат. Два года назад у Алессио был грипп. Он заразился им в больнице, и я думала, что он умрет. Я все

еще отлично помню эти страшные ночи, когда мы со Старых выхаживали его.

– Тебе нужно быть осторожным, – если я потеряю его, это меня уничтожит.

– Все в порядке, – успокаивает меня юноша. – Тициан вне опасности. Честное слово.

– Но уже были смертельные случаи, не так ли? Не спорь со мной на этот счет.

Я знаю Алессио всю свою жизнь, и когда человек, находящийся под его присмотром, умирает, я всегда вижу эту печаль в его взгляде.

Он вздыхает:

– Мы не смогли спасти двух детей. Они были слишком слабыми, и им было нечего противопоставить этой болезни. Когда они пришли к нам, то почти умирали от голода.

– Я знаю, как тебе плохо от этого, – я успокаивающе глажу его по руке. Многие люди уже очерствели со времен Вторжения, но не Алессио. Каждый умерший для него – его личное поражение.

– Ты не можешь спасти всех.

– Я знаю, но хочу, по крайней мере, попробовать. – Он улыбается, и грусть из его взгляда на мгновение исчезает.

– Почему вообще Наама так интересуется твоей работой? – подозрительно спрашиваю я, когда замечаю взгляд девушки на себе. – Чего она этим добивается?

– Она хочет знать, что происходит в городе, и для меня же

безопаснее, когда она проходит со мной по домам больных после заката. Она все-таки предводительница стражи Люцифера.

– Что, прости? – должно быть, я ослышалась. Теперь я тоже смотрю на Нааму. Сегодня на ней кожаные штаны и что-то вроде кожаного корсета, позволяющего ее крыльям двигаться максимально свободно. Она, очевидно, боец. Между крыльями у нее есть карман для копья, а на поясе закреплен кинжал. Серебряный наконечник копья сверкает: он острый как нож. Наама вполне способна защитить Алессио в городе ночью. Мне стоило бы радоваться этому, но я не могу.

– Я думала, что Семьяса предводитель стражи.

– Сэм – генерал Люцифера, – просвещает меня Алессио. – А Балам – второй офицер.

– А Лилит? Какая у нее роль?

– У нее нет военной функции, но она входит в ближайший круг советников Люцифера.

Я пытаюсь обдумать только что услышанную информацию. В штабе Люцифера две женщины. Интересно, для ангелов характерно относиться к женщинам на равных? Я никогда не видела женщин в свитах остальных архангелов, разве что когда те сидели у них на коленях.

– Значит, вы с Наамой будете бродить одни в темноте? – спрашиваю я с высоко поднятыми бровями. – Ты считаешь, что это разумно?

Мне кажется, что это похоже на братание с врагом.

– Все абсолютно не так, – защищается он. – И так мне удастся посетить гораздо больше людей. Она делает это по доброте душевной.

– Конечно, а я китайская императрица, – я ударяю Алессио по руке. – Не позволяй себя обманывать. Она ненавидит людей.

– Я так не думаю, – медленно отвечает он. – Кроме того, общаясь с ней, я узнаю, что происходит на небесах. Однажды это может нам пригодиться.

– Просто будь осторожен, – прошу я его. – Она причинит тебе боль, если узнает, что ты используешь ее как источник информации.

– Не переживай за меня. – Алессио направляется к большому столу, за которым собрались все присутствующие ангелы. – Я смогу за себя постоять.

– Восточное и южное крыло были полностью уничтожены, – объясняет Семьяса, когда мы подходим к столу. Я рассматриваю большие листы бумаги и рисунки на них. Это дворец пятого небесного двора с разных ракурсов.

– Больше всего ангелов живет в западной стороне, но там остается все меньше места для всех нас. Нам нужно поскорее завершить стройку. Люцу важно, чтобы мы воссоздали библиотеку. Нам нужно выяснить, какие книги еще на месте, а какие были украдены. Он отправил в другие дворы послов, которые должны договориться о возвращении нашего имущества.

В ответ на его речь следует коллективное ворчание.

– Как будто они нам что-то отдадут, – говорит стоящий рядом со мной Амудиэль, почесывая затылок. – У меня украли пару украшений.

– Даже если они ничего не отдадут, – прерывает его Балам, – так мы можем показать им, что не закрываем глаза на эти кражи.

– Мои украшения пусть останутся у них, – отзывается какой-то ангел, чьего имени я не знаю. – Лучше бы вернули мне мою жену и сына.

Балам кладет руку ему на плечо.

– Мы бы все хотели того же, Форфакс.

Ангелы, собравшиеся вокруг стола, кивают, и я вижу, как Сэм сжимает руки в кулаки. Прошло уже десять тысяч лет с тех пор, как ангелы потеряли свои семьи, но они все еще скучают по ним. Кажется, будто невидимая нить связала их судьбы и мою воедино. Я потеряла своих родителей, но у меня все еще есть брат с сестрой. А от их семей ничего не осталось. Хотя это не совсем правда. Они же поэтому и ищут кровных наследниц? Можно ли этих девушек вообще назвать частью семьи?

– Мы заново отстраиваем наш небесный двор. Он будет красивее и роскошнее, чем прежде, – говорит Сэм. – А потом мы поставим Габриэля, Рафа и других ангелов на место.

Присутствующие ангелы громко соглашаются с ним, а затем начинается оживленная дискуссия об обстановке и раз-

мерах комнат.

– Что он имеет в виду, говоря, что они поставят Габриэля и Рафаэля на место? – обращаюсь я к Алессио.

– Люц должен быть правителем первого небесного двора, – отвечает Наама за него. Она подошла к нам, и я даже не заметила ее. – Он был первым сыном Господа. Первым ангелом, который был создан. Хотя это для него и не так важно. Но очень важно для нас.

– Но сейчас он правитель пятого небесного двора. Наама высокомерно смеется.

– Правитель того, что ему осталось. После того как отец поверил в ложь, которую говорили другие архангелы, и изгнал Люцифера, они заново поделили небеса между собой, – объясняет она мне с удивительным спокойствием. – Так Габриэль стал правителем первого небесного двора, Рафаэль – второго и так далее. Только Фануэль и Уриэль настояли на том, чтобы сохранить за собой прежние небесные дворы. Но Габриэлю, Рафаэлю и Михаэлю и этого было недостаточно, и они изгнали нас из рая. После того как они заперли нас, то разграбили наш дворец.

Я запрещаю себе сочувствовать им. Как бы мало имущества у них ни осталось, это все еще больше, чем то, что они оставили людям. Возможно, архангелы были несправедливы к Люциферу, но они и к нам несправедливы, а архангел не пытается этому помешать. Я бы с радостью спросила ее, какие лживые истории архангелы рассказывали Богу, но Наама

уже повернулась к Сэму и предлагает воссоздать два моста, которые ранее располагались над дворцом. Должно быть, когда-то это было великолепное сооружение. Но, с точки зрения человека, он выглядит прекрасным даже в разрушенном состоянии.

Глава IV

Сегодня первый день, когда мне не кажется, что я хожу по битому стеклу, когда наступаю на ступню. Повязка стала в два раза меньше, и развязывать ее стало легче. Семьяса направляется к нам, когда я подхожу к одному из больших окон в салоне. Хотела бы я взглянуть на библиотеку отсюда. Тоска по брату и сестре одерживает надо мной верх. Они так близко, но недоступны для меня. Интересно, Люцифер разрешит мне посетить брата, если я попрошу его об этом? Я прислоняюсь к оконной арке. Скорее всего, нет, потому что риск слишком высок. Бездействие и неведение почти убивают меня. Уже почти две недели я нахожусь вдали от дома.

– Эй, – Семьяса берет меня за руку. – Не перенапрягайся,

малышка. Лучше пожалей себя.

– Мун должна прийти в форму к испытаниям, – добавляет Наама свою ложку дегтя. Хотя она и предводительница стражи Люцифера, ей не стоит смотреть на меня свысока.

– Я буду в форме, – отвечаю я так вежливо, как только могу, ведь я пообещала Алессио постараться вести себя хорошо. – За меня можешь не беспокоиться. Рана на ноге почти затянулась.

– Пфф! – фыркает она в ответ. – Почему Люц ставит именно на тебя?

– Наама, пожалуйста, – говорит Алессио, на мой взгляд, слишком уж мягко. – Мун со всем справится. Ты могла бы быть добрее к ней.

К моему удивлению, ее светлые щеки краснеют, и она кивает.

– Я просто не хочу, чтобы все зависело от ее перепадов настроения. На карту поставлено слишком многое. – Сегодня на ангеле белый боевой костюм, а волосы искусно забраны наверх. Она выглядит как амазонка.

– Ой, правда, – шиплю я в ответ. – Кто бы говорил. Единственное, что поставлено на карту, – это существование моего вида, и, пока вы переживаете насчет потерянных драгоценностей и постройки вашего дворца, люди снаружи каждый день умирают. Невинные люди.

– Ты не знаешь, о чем говоришь, – надменно отвечает Наама. – Как ты думаешь, чем мы тут целыми днями занима-

емся?

– Едите и играете в шарady? – язвлю я в ответ.

– Хватит уже, – прерывает нас Сэм неожиданно резко. – Наама, Люцифер просил тебя кое-что сделать. Кажется, тебе пора идти. Я потренируюсь с Мун, если ты не против, – обращается он к Алессио.

– Только простые упражнения, – требует юноша, смотря вслед Нааме и наблюдая за тем, как она расправляет крылья и запрыгивает на парапет. Вид ее крыльев завораживает даже меня.

– Ей нельзя выходить за пределы возможностей, а она делает это, если ты не остановишь ее.

– Эй. Она вообще-то здесь. Прямо рядом с вами.

Алессио строго на меня смотрит.

– Твое тело все еще ослаблено, хотя ты и не хочешь этого признавать. Если ты будешь перенапрягаться, то можешь заболеть воспалением легких при малейшем дуновении ветра или даже хуже. Поэтому будь осторожна.

– Лучше воспаление легких, чем умереть на первом же испытании, – бормочу я. Сейчас я даже меч в руках держать не смогу, куда там сражаться.

– Я буду осторожен, – обещает Семьяса. – Да и вообще, ты же приходишь к нам каждый день и следишь за ее состоянием. Хотя это уже и не так необходимо, – дополняет он. После этого Семьяса смотрит вслед Нааме, которая отдалается, взмахивая крыльями.

– Я буду делать это и дальше. – Из уст моего друга-пацифиста это звучит почти как объявление войны.

Семьяса ухмыляется и хлопает его по плечу:

– Делай все, что хочешь.

Следующие два часа Семьяса гоняет меня вверх и вниз по куче лестниц Дворца дождей. Он и не думает меня щадить. Я задыхаюсь, не получая кислорода. Весь лоб в поту, а по спине он стекает ручьями. Сначала ангелы других небесных дворов, проходящие мимо нас, раздражали меня, а теперь я вообще не обращаю на них внимания. Я рада уже тому, что не спотыкаюсь о свои собственные ноги.

– Мне очень жаль, Мун, но без этого никак, – извиняется Семьяса уже в третий раз.

Я киваю, потому что больше не в состоянии говорить. Невероятно, какой слабой я стала. Будто никогда в жизни и не сражалась. То, что мы делаем, – особенно после предупреждения Алессио, – совершенно неразумно, но абсолютно необходимо.

– Последний рывок до входа в наши покои, и ты сможешь отдохнуть.

То, что я делаю, сложно назвать рывком – это скорее шатание, но я добираюсь до двери и умудряюсь не упасть. Дверь открывается, когда я кладу ладонь на ручку, и я теряю равновесие. Руки Люцифера обхватывают меня, когда я падаю ему на грудь. Откуда он здесь взялся? Я не видела его несколько дней.

– Ты чем с ней занимался? – прикрикивает он на Семьясу. – Она даже на ногах не стоит!

– Мы тренировались, – сквозь вату, будто заткнувшую мои уши, его голос звучит виновато.

Почему именно Люцифер всегда видит меня такой слабой? Я хочу оторваться от него и собираюсь с последними силами. В тот же момент он поднимает меня на руки. Я пытаюсь обороняться, ведь я не какая-то кукла, но он огрызается на меня:

– Хватит ерзать, или я сейчас потеряю терпение! В таком состоянии тебе нужно лежать в кровати.

– У нас так мало времени для подготовки, – слышу я голос Семьясы позади.

Люцифер рычит что-то непонятное ему в ответ и идет дальше. Когда мы подходим к моей комнате, он просто бросает меня на кровать. Матрас очень упругий, и меня подкидывает на пару сантиметров.

– Ай! – кричу я. – А поаккуратнее нельзя? Я больна.

Меня поражает смертельный взгляд Люцифера.

– Не смей меня. Я буду обращаться с тобой аккуратно только тогда, когда ты станешь благоразумнее.

– Неужели из твоих губ могут вырываться только оскорбления? – шепчу я, дергая покрывало. На самом деле мне следовало бы пойти в душ, потому что я вспотела, но с этим я не справлюсь. Я просто хочу свернуться калачиком и заснуть.

Люцифер напряженно вздыхает и накрывает меня одея-

лом. Я чувствую его пальцы на своем лице, когда он укрывает мои плечи.

— Я тебя не оскорбляю, — тихо говорит он, — я просто не пытаюсь тебя обманывать. Речь идет о жизни и смерти. Не забывай об этом.

Как же. Не проходит и дня, чтобы мне об этом не напомнили.

Вокруг темнота. Я не вижу ничего, ни единого луча света. На моей грудной клетке, на моих ногах и лице лежит что-то тяжелое. Я слышу смех.

— Это твое наказание, брат, — слышу я чью-то высокомерную усмешку. — За то, что ты такой всезнайка, за твое неподчинение и предательство.

Я хочу сдвинуться с места, но мне это не удастся. Когда я открываю рот, чтобы издать стон, что-то проникает в меня и душит каждый звук. На кончике языка я чувствую кислый вкус земли, и отчаянная злоба закипает во мне. Я потерпел крах. Я пожертвовал всем, что хоть что-то для меня значило. И для чего? Люди доверяли мне, потому что я пообещал им впустить их в рай. Я дал им смысл жизни, и они последовали за мной. А теперь мои братья победили. Я всеми силами пытаюсь подняться. Напрасно. Они похоронили меня заживо и положили камни на мою могилу. Как им это удалось? Ответ, к сожалению, очень прост. Я был слишком надменным, считал себя умнее братьев и думал,

что разум восторжествует. При этом мне давно следовало понять, что они замышляют. Я закрываю глаза и подавляю в себе обиду и отчаяние. Я сделал все, что мог. Теперь судьба людей находится в их руках. Я молюсь о том, чтобы они не совершали тех же ошибок, что и я.

– Десять тысяч лет, брат, – слышу я голос Рафаэля, доносящийся до моей могилы. – Надеюсь, к тому времени ты поймешь, кто может называться венцом творения.

Я смеюсь и глотаю песок. Он никогда не поймет, в чем дело. Рафаэль топчет мою могилу, и я стоически выслушиваю поток его причитаний и обвинений. Все, что он говорит, я и так знаю. Я слышал это миллион раз, но я никогда не подчинюсь воле судьбы. Я засыпаю, пока вой не пробуждает меня ото сна. У меня есть примерные представления о том, что происходит наверху.

– Врата! – рычит он. – Почему врата закрываются?

Он и вправду думал, что я оставляю ему сад Эдема? Что за придурак.

– Люц! – он распускает нюни. – Открой врата! Сейчас же.

Я не издаю ни звука и медленно наслаждаюсь его гневом. Он должен был оставить мне землю и людей. Я бы позаботился о них лучше, чем он когда-либо сможет. Но теперь ему придется ждать еще десять тысяч лет. Он не сможет сам снять свое же проклятие. Я стараюсь не думать о тех, кого я оставляю. Если я буду это делать, то сойду с ума.

Возможно, это произойдет само собой. Темнота постепенно лишит меня любого доброго и приятного чувства. Я и представить не могу, что буду делать после того, как пройдет это время. Во мне уже сейчас зарождается желание умереть и тоска по смерти. Время проходит. Столетие за столетием. Я больше не могу терпеливо принимать свою судьбу. Я принц ада. Своего собственного ада. Возмущение сменяется горечью, горечь становится безумством. Тысячелетие за тысячелетием я упрекаю себя за это. Всему виной было мое высокомерие, сделавшее моих друзей и людей несчастными. Моя надменность, моя гордыня. Я вознесся над себе подобными, а другие вынуждены платить за это. Одиночество – это худшее наказание, но я заслужил его. Никогда не думал, что буду в ком-то нуждаться. Я был для этого слишком горд. В какой-то момент я растворяюсь в горе и тоске. Вся моя смелость и надежда покидают меня, и я не могу ничего с этим поделать.

Я открываю глаза и не двигаюсь. Тяжелое одеяло лежит у меня на груди, словно центнер камней. Я чувствую вкус земли у себя на языке. Я должна была закричать, но не могу. Этот сон или это видение было хуже, чем все предыдущие. Я не могу дышать, потому что отчаяние, которое я прочувствовала, все еще перехватывает дыхание. Я не хочу представлять, каково это – быть погребенным заживо на десять тысяч лет. Разве от этого не сойдешь с ума? Люцифер кажет-

ся мне слишком социализированным. Как он пережил это? Я откидываю одеяло в сторону и встаю с кровати. Я должна убедиться в том, что я жива и достаточно свободна. Кроме того, мне нужно что-то выпить, чтобы избавиться от этого привкуса во рту, а еще я голодна, потому что заснула сразу после тренировки. Мой живот урчит, а ребра болят от напряжения. Я быстро одеваюсь и подкрадываюсь к двери. На мне вещи, которые ангелы доставляют во дворы. Узкие темно-серые брюки такие удобные, будто были сшиты специально для меня. Примерно так же дело обстоит и с белой блузкой, ткань которой мягче, чем все, что я когда-либо носила. Алессио, конечно, принес мне вещи из дома, но я не могу заставить себя надеть эту поношенную старую одежду. Тихо открываю дверь. До этого я никогда не выходила из комнаты одна: ни ночью, ни днем. Я думала, что все будет ярко освещено, но зажжено всего несколько свечей. Я брожу по покинутым коридорам. Большинство дверей закрыты, а большой салон пустует. Я не знаю, какие ангелы отправляются ночевать на небо, а какие остаются здесь. До некоторых пор меня это и не интересовало, но сейчас я задаюсь вопросом, смогла бы я покинуть дворец? Но что тогда? Могу ли я вообще отказаться от задания, которое оставили мне мои родители? Я не нахожу ответа на этот вопрос, сколько бы я над этим ни размышляла. Не думаю, что смогу спасти человечество, но если есть хоть малейшая искра надежды на то, что я в силах остановить наше уничтожение, я постараюсь ее разжечь. Я

бы с радостью подробно обсудила это с Алессио, но мы никогда не остаемся одни.

Я целенаправленно подхожу к большому арочному окну и выглядываю наружу. Я вдыхаю солоноватый запах моря и закрываю глаза. Медленно, но верно гнетущее чувство покидает мою грудь. Небо надо мной все еще существует, как и далекое море на горизонте. Почему же мне приснился именно Люцифер? Я не хочу испытывать к нему жалость. В том, что случилось, виноват только он сам. Почему он вообще связался со своими братьями?

– Не можешь заснуть? – раздается его тихий, теплый голос позади меня. Я поворачиваюсь. Люцифер сидит на диване и держит в руке бокал. Я не могу прочесть эмоции на его лице, потому что на него падает тень, но крылья архангела ослабленно лежат на подушках. До сегодняшнего дня я видела его только одетым в рубашку, но она небрежно сложена рядом с ним. Я тяжело сглатываю. Его грудь покрыта татуировками. К сожалению, я нахожусь слишком далеко, чтобы внимательно их рассмотреть, но все же вижу повернутую пентаграмму. В тумане, который окружает его и днем, и ночью, виднеются контуры вытянутых длинных ног. Он выглядит как усталый принц после тяжелого рабочего дня. Интересно, когда я пришла сюда из своей комнаты, он уже был здесь? Я не заметила Люцифера, потому что хотела поскорее подойти к окну.

– Мне приснился плохой сон, – признаюсь я, хотя и не

собираюсь рассказывать ему о том, что именно это был за сон.

Люцифер поднимается и подходит ко мне. Он опирается на подоконник рядом со мной и выглядывает из окна. Я чувствую запах лимона и можжевельника.

– Я тоже не могу уснуть, – говорит он спустя какое-то время. – Вероятно, за последние десять тысяч лет я проспал так много, что больше не хочу отдыхать.

Он может сколь угодно рассказывать своим друзьям о том, что это было что-то незначительное, но не мне. Я чувствовала то, что чувствовал он, – и это было ужасно. У меня нет слов, чтобы описать эту безнадежность.

– Может, ты хочешь рассказать мне о том, каково вам было раньше? – спрашивает он. – Какой ты была, пока мы не вернулись? Как ты представляла свою жизнь? О чем был твой сон?

– Я не помню, – оборонительно отвечаю я. Он не должен узнать обо мне больше, чем уже знает. Мне было всего десять.

Хотя Люцифер и не отправил меня обратно в темницу, он использует меня не меньше, чем Кассиэль, хоть и не делает из этого тайны.

– Я втайне воровала помаду и лак для ногтей у своей матери и ругалась со своими подружками, – тем не менее рассказываю я ему.

– Ты знаешь дочь Нерона де Луки?

– Фелицию?

Он кивает и ни на секунду не спускает с меня глаз, пока я пытаюсь заставить себя не слишком пялиться на его полу-голое тело.

– Она добровольно вызвалась на испытания ключей.

Я киваю.

– Она была моей лучшей подругой. Мы с ней творили много глупостей.

Его красивые губы изгибаются в улыбке.

– Могу себе представить.

– А что снилось тебе? – спрашиваю его я, хотя и так знаю ответ на этот вопрос, по крайней мере, если речь идет о последних десяти тысячах лет. Тем не менее я запрещаю себе смотреть на него другими глазами, нежели до этого. Возможно, именно это заключение сделало Люцифера дьяволом, которого боятся люди, но это не отменяет того факта, что он все еще дьявол.

– Мне уже много лет не снятся сны. – Он отходит от окна и, судя по всему, хочет закончить наш разговор. – Тебе лучше идти спать. Я разрешил Сэму потренироваться с тобой завтра, а твой Алессио будет упрекать меня в том, что я не даю тебе спать.

– Как будто его упреки тебя пугают.

– Когда речь о тебе, он может становиться очень даже властным, – Люцифер наклоняет голову. – Он дорожит тобой.

– Я им тоже. Что затеяла Наама? Почему она так интересуется Алессио? Я думала, что она не выносит людей.

Теперь внимание Люцифера направлено только на меня.

– Она флиртует со всеми, даже с Кассиэлем. Кому, как не тебе, это знать. Кроме того, не выносит она только тебя. Ты, по ее мнению, слишком симпатичная и к тому же одержала над ней победу. У Наамы обычно немного конкурентов.

Люцифер либо смеется надо мной, либо пытается меня спровоцировать. Я невольно касаюсь своего носа. Может, он больше и не болит, а синяки прошли, но я все еще и в подметки Нааме не гожусь, и мы вдвоем это знаем. Я стараюсь держать лицо, хотя воспоминание о том, как Кассиэль и Наама целовались у меня на глазах, все еще причиняет боль. Просто я одинока. Я скучаю по брату и сестре, я скучаю по возможности иметь рядом человека, которому я доверяю. Делаю вдох, чтобы собраться с силами.

– Я не хочу, чтобы она причинила боль Алессио.

– Так, как причинил тебе боль Кассиэль? – Я слышу любопытство в голосе Люцифера. – Ты по нему скучаешь?

– Это тебя, конечно, не касается, но нет. Разумеется, нет. Было слишком наивно с моей стороны думать, что я могу довериться ангелу. Со мной такого больше не произойдет.

Выражение лица Люцифера остается таким же бесстрастным, как и мое, но на его виске начинает пульсировать вена.

– Да, предательство – это не тот опыт, которому можно радоваться.

– А тебя кто предал? – вырывается у меня. – Рафаэль?
Я все еще помню сон.

По поднятой брови Люцифера я понимаю, что его этот вопрос удивил так же, как и меня. Он скрестил руки на груди и поднял подбородок. Впервые я думаю о том, что этот жест не несет в себе и намека на превосходство: он просто пытается так защититься. Люцифер не хочет рассказывать о себе больше, чем это необходимо. Я сама так полжизни делаю.

Из-за того, что я ничего не говорю и продолжаю на него смотреть, он вздыхает.

– Это была женщина, – к моему удивлению, отвечает Люцифер, хотя я была уверена в том, что он подтвердит мои догадки.

– Она что-то для тебя значила? – А вот и я стою посреди ночи с Люцифером в зале Дворца дождей и расспрашиваю его о таких личных вещах. Если бы кто-то сказал мне об этом пару недель назад, я рассмеялась бы ему в лицо. А теперь я задаюсь вопросом: было ли это разумно с моей стороны? Правда, забрать свои слова обратно я не могу.

Он некоторое время размышляет, а затем качает головой.

– Нет, ничего. Я просто ее недооценивал, – он уставился на какую-то точку на стене позади меня. – А себя, наоборот, переоценил, – признается он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.